

Всеп
ЗА ПРАВДУ

И ЗА

ЧЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ.

CIS-MOLL-СОНАТА.

Г. фонъ-Аминтора.

ПРОТИВЪ „КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ“

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Переводъ съ нѣмецкаго *М. Калмыкова.*

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова. Троицкая ул., № 18.

1898.

ЗА ПРАВДУ И ЗА ЧЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ.

CIS-MOLL-СОНАТА.

Г. фонъ-Аминтора.

(Die Cis-moll-Sonate v. G. von Amyntor).

Противъ „Крейцеровой Сонаты“ Л. Н. Толстого.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

М. Калмыкова.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. А. Евдокимова, Троицкая улица, 18.

1898.

Доволнено цензурою. С.-Петербургъ, 27 августа 1898 г.

Много у насъ писали въ опроверженіе идеи „Крейцеровой Сонаты“; но большинство оппонентовъ имѣли въ виду только философскую тенденцію повѣсти. Они совсѣмъ упускали изъ виду физическія и нравственныя потребности женщинъ вообще и въ частности дѣвушекъ, лицъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ. Да и самъ гр. Толстой вполне игнорируетъ ихъ: спасая мужчинъ, онъ нисколько не беспокоится о судьбѣ дѣвушекъ, обрекая ихъ на Богъ знаетъ какую жизнь...

Въ своемъ разсказѣ „Die Cis-moll-Sonate“ Г. фонъ-Аминторъ вступается именно за интересы женщинъ, представляя брачную жизнь не только естественнымъ, самымъ Богомъ освященнымъ правомъ, но и священной, отвѣтственной обязанностью.

По словамъ самого автора, его разсказъ—„скорѣе соціально-нравственный этюдъ въ эпической формѣ“.

По своей цѣли, это—своеобразное опроверженіе ученія Толстого, именно остроумное *reductio ad absurdum*.

„Die Cis-moll-Sonate“ написана въ 1891 году, и одновременно съ подлинникомъ тогда же появились переводы на всѣ европейскіе языки. По своему содержанию трудъ нѣмецкаго писателя заслуживаетъ полнаго вниманія.

Итакъ законная жена—падшая женщина?! Какое поруганіе правды и чести нашихъ матерей, сестеръ и женъ!...

Нѣтъ! Когда колеблются основы общежитія; когда съ упадкомъ религіи распространяется скептицизмъ, переходящій въ дикое глумленіе; когда признается разумнымъ только культъ чувственныхъ наслажденій,—въ такія времена здравый мыслитель долженъ напомнить людямъ, что спасеніе народовъ и государствъ заключается именно въ бракѣ и семьѣ, истинной школѣ нравственности, а не въ противоестественномъ безбрачїи.

I.

Въ вагонѣ берлинской желѣзной дороги сидѣли впереди меня три пассажира. Я занялъ мѣсто позади ихъ, чтобы хоть сколько-нибудь укрыться отъ мелкой пыли, которая влетала въ открытое окно. Мои спутники, казалось, не обращали вниманія на эту пыль; они вели оживленную бесѣду, что давало возможность мнѣ, безучастному слушателю, спокойно всмотрѣться въ разговаривавшихъ.

У открытаго окна сидѣла уже пожилая дѣвица, лѣтъ 35, судя по выговору, русская или остзейская нѣмка; одѣта она была просто, но изящно; держала себя съ достоинствомъ; по всему было видно, что она много путешествовала и способна поддерживать разговоръ о чемъ угодно и съ кѣмъ угодно.

Рядомъ съ нею—старичокъ, повидимому, отставной учитель. Не смотря на теплую майскую погоду, онъ носилъ толстый, до самого подбородка застегнутый зимній кафтанъ, темную суконную фуражку и войлочные сапоги. Говорилъ онъ медленно, иногда длинными, стройными періодами и тономъ чловѣка съ притязаніями на благоговѣйное вниманіе слушателей.

Противъ нихъ, въ углу, у закрытаго окна, въ небрежной позѣ, развалившись, положивъ одну на другую далеко впередъ вытянутыя ноги, сидѣлъ молодой человѣкъ, кажется, студентъ, въ модномъ весеннемъ костюмѣ. На его губахъ отъ времени до времени появлялась надменная улыбка, какъ будто онъ въ душѣ подсмѣивался надъ бесѣдою своихъ сосѣдей, въ которой онъ принималъ участіе только отъ скуки, изрѣдка, вставляя въ нее какое-нибудь краткое замѣчаніе. На лбу у него замѣтенъ былъ уже зажившій, поблѣднѣвшій рубецъ, а на лѣвой щекѣ отъ уха до самаго рта красовался еще свѣжій, воспаленный шрамъ.

Рѣчь шла о романахъ Зола.

— Не понимаю, въ чемъ вы можете упрекнуть Зола,— говорила русская, обращаясь къ старичку.— Правда, нѣкоторыя его сочиненія немного, пожалуй, скабрезны... ну, такія книги каждая благовоспитанная женщина откладываетъ въ сторону; но большая часть того, о чемъ онъ рассказываетъ, для людей зрѣлыхъ совсѣмъ не соблазнительно; напротивъ, въ высшей степени поучительно, правдиво и во всякомъ случаѣ способно скорѣй улучшить свѣтъ, чѣмъ развратить...

— Напримѣръ, преслужатая Нана,— ехидно брякнулъ изъ своего угла молодой человѣкъ.

Русская пренебрежительно повела плечами.

— На эту книгу всѣ нѣмцы указываютъ, какъ на какое-то пугало, и, кажется, прочли ее всѣ; я не читала ея, да и читать не буду. Но вотъ *Germinal*... это такое твореніе, которымъ французская литература въ правѣ гордиться. Вы знакомы съ этимъ сочиненіемъ? — обратилась она къ старичку.

— Нѣтъ! — отвѣтилъ ей въ искреннемъ ужасѣ невинный старичокъ: — *Germinal*? Я никогда не слыхалъ этого имени. Вообще я не читаю сочиненій этихъ новѣйшихъ писателей. Какая мнѣ можетъ быть польза отъ нихъ?

— Какая польза? Боже мой! Неужели вы безучастно относитесь къ современному могучему умственному движенію, къ этимъ великимъ жизненнымъ вопросамъ, которые волнуютъ весь міръ? И если вы не читали Зола, то какъ же вы можете осуждать его?

— Я осуждаю не одного вашего Зола; я осуждаю все, что написано въ послѣднія 50—60 лѣтъ. Если я говорю „осуждаю“, то это нужно понимать метафорически; выражаясь точнѣе, я ничего этого не признаю, не придаю всему этому никакой цѣны, все это для меня не существуетъ. Я, видите ли, старый человѣкъ и всю жизнь питался домашнимъ, здоровымъ хлѣбомъ; если бы кто-нибудь посовѣтовалъ мнѣ отъ простой привычной пищи перейти теперь къ приправленнымъ кушаньямъ современной кухни, я рѣшительно отклонилъ бы такое предложеніе. Гомеръ, Шекспиръ, Гёте... вотъ чьи произведенія были моимъ насущнымъ хлѣбомъ духовнымъ, и тѣмъ же они останутся для меня до гроба.

— Счастье ваше, что вы не современникъ Гёте,—раздалось изъ другого угла:—иначе, по вашей теоріи, которая цѣнитъ только старое, вы его сочиненія причислили бы къ современной стряпнѣ и никогда бы не познакомились съ ними.

Старикъ бросилъ укоризненный взглядъ на хлыщеватаго юношу, осмѣливагося сдѣлать такое непочтительное замѣчаніе, потомъ съ торжествующимъ видомъ, посмотрѣлъ на свою сосѣдку, какъ бы ожидая, что та безъ возраженія присоединится къ его мнѣнію, подкрѣпленному такимъ убѣдительнымъ сравненіемъ. Но дама засмѣялась грубымъ, презрительнымъ смѣхомъ.

— Пойдите вы съ своимъ Гёте! Его Фаустъ—ну, еще пожалуй; передъ нимъ я преклоняюсь въ почтительномъ изумленіи: это поэтическое произведеніе воодушевляетъ, окрыляетъ читателя. Но его романы... Боже мой! я ихъ читала и чуть не умерла отъ скуки. Устарѣлый, опошлѣвшій вкусъ! Такими

неуклюжими вещами теперь никого не согрѣешь, не расшевелишь. Вотъ лучше почитайте Достоевскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Писемскаго, Льва Толстого; изъ нихъ вы почерпнете больше, гораздо больше!

Старикъ покачивалъ головой, снисходительно улыбаясь; очевидно, всѣ эти имена онъ слышалъ въ первый разъ.

— Цѣлый лексиконъ русскихъ писателей!—замѣтилъ насмѣшливо юноша.—Жаль, что не всѣ ихъ творенія переведены на нѣмецкій, а учиться русскому языку для того, чтобы уразумѣть ихъ премудрость, никакой здравомыслящій человѣкъ не станетъ.

— Ну, знать немного по-русски было бы полезнѣе латыни да греческаго языка, которыми стараются,—впрочемъ, безуспѣшно,—набивать головы нѣмецкихъ студентовъ,—огрызнулась въ сторону молодого человѣка обиженная русская.

Дѣло, пожалуй, дошло бы до рѣзкаго спора между молодыми людьми; но въ это время поѣздъ подошелъ къ станціи.

Юноша поднялся и, не говоря ни слова, вышелъ изъ вагона. Онъ, кажется, считалъ вѣжливый поклонъ незнакомымъ спутникамъ за глупый предразсудокъ. Дама презрительно посмотрѣла вслѣдъ самонадѣянному и высокомнящему о себѣ міровому гражданину и, спросивши у старичка, какая это станція, быстро встала съ мѣста, схватила свой ручной багажъ, подала его подошедшему носильщику и, уходя, вѣжливо попрощалась съ нами, сдѣлавъ полный достоинства поклонъ въ нашу сторону.

— Интересная особа!—пробормоталъ, обращаясь ко мнѣ старичокъ.—Задорная такая, но все-таки любезная; конечно, безъ надлежащаго литературнаго образованія, какъ и всѣ женщины. Говорила она о какомъ-то тамъ Львѣ Толстомъ. Знаете вы этого писателя? Не тотъ ли это, о которомъ въ послѣднее время такъ часто упоминають журналы?

— Да, это извѣстный авторъ „Войны и мира“, „Анны Карениной“, своего рода отшельникъ, обитатель Ясной Поляны.

— Душегубецъ, своею „Крейцеровою Сонатою“ посягнувшій на счастье всего человѣчества!—неожиданно вставилъ только что вошедшій новый пассажиръ, слышавшій мои послѣднιά слова.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Это былъ мужчина средняго роста, сухощавый, лѣтъ 35; онъ почти бросилъ свою палку и зонтикъ на сѣтку и занялъ мѣсто ушедшаго юноши. На его худомъ, костлявомъ, но правильномъ римскомъ носу были золотыя очки. Бросивъ бѣглый взглядъ на меня и на учителя, онъ уставился своими живыми сѣрыми глазами на публику, толпившуюся на платформѣ; при этомъ всѣ члены незнакомца были въ какомъ-то нервномъ движеніи; онъ въ тактъ поднималъ и опускалъ на коверъ носки сапогъ, а пальцами рукъ нетерпѣливо барабанилъ по колѣнямъ.

— Наконецъ!—слетѣло съ его нервно дрожавшихъ губъ, когда поѣздъ тронулся. Онъ пересталъ барабанить пальцами, снялъ съ сѣтки палку и началъ полировать ея блестящую металлическую головку.

Я затруднялся опредѣлить профессію незнакомца. Практическій дѣлецъ? медикъ? газетный корреспондентъ? Но его замѣчаніе о Толстомъ, съ которымъ онъ такъ безцеремонно вмѣшался въ нашъ разговоръ, вооружило меня противъ него. Я боялся, что это одинъ изъ тѣхъ надоѣдливыхъ спутниковъ, которые любятъ спрашивать насъ про всѣ наши личныя отношенія, а потому повернулся къ нему бокомъ и обратился опять къ старичку.

— А вамъ слѣдовало бы познакомиться съ Толстымъ,—началъ я прерванный разговоръ:—вы не будете раскаиваться; особенно его послѣднιά сочиненія заставляютъ читателя задумываться, наводятъ на размышленіе, не смотря на то, что не всегда соглашаешься съ туманными воззрѣніями этого страннаго, но честнаго человѣка.

— Ни въ чемъ съ нимъ нельзя согласиться!—презрительно отрѣзалъ незнакомецъ.—Неужели же и вы бракъ считаете грѣхопадєніемъ?—обратился онъ къ учителю.

— Я не понимаю,—сказалъ заикаясь озадаченный ученый мужъ и посмотрѣлъ на меня съ выраженіемъ такого страха, какъ будто онъ считалъ этого незнакомца за пьянаго человѣка.

Я поспѣшилъ успокоить старика:—Господинъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду „Крейцерову Сонату“ Толстого, въ которой, дѣйствительно, супружество осуждается, какъ грѣхъ, а чисто братскія отношенія мужа къ женѣ выставляются, какъ идеалъ брачной жизни.

— Бракъ, изволите ли видѣть, даже будто бы съ христіанской точки зрѣнія, не есть возвышеніе, а паденіе,—пояснилъ незнакомецъ.—Не знаю, женаты ли кто изъ васъ; если да, то совѣтую вамъ поблагодарить Толстого... Онъ схватилъ палку за нижній конецъ и такъ сильно замахнулся ею, что головка засвистала въ воздухѣ, какъ будто онъ собирался поразить ею невидимаго врага.

Старикъ покачалъ головой.

— Да, это новѣйшіе писатели, во что бы то ни стало, хотятъ быть оригинальными, а между тѣмъ ничего нѣтъ новаго въ ихъ мысляхъ. Вотъ и этотъ русскій аскетъ рекомендуетъ, какъ нѣчто новое, то, что въ каждомъ бракѣ съ теченіемъ времени приходитъ само собою... Филемонъ и Бавкида подъ конецъ жили, какъ братъ и сестра. Но вѣдь нельзя же начинать жизнь съ конца. Толстой, кажется, совсѣмъ упраздняетъ весну и совѣтуетъ людямъ начинать съ зимы. Это просто противно природѣ.

— Нѣтъ, глупость это, идіотство! вѣдь это значитъ плевать на здравый смыслъ, дать въ морду человѣческому разуму!—рѣзко поправилъ старика незнакомецъ.

— Вы забываете, господа,—осмѣлился я робко замѣтить,—что Толстой, съ одной стороны, стоитъ на библейской точкѣ

зрѣнія, съ другой—онъ ярый поклонникъ Шопенгауера. Онъ утверждаетъ, будто проповѣдуемое имъ въ „Крейцеровой Сонатѣ“ ученіе согласно съ Евангеліемъ и послѣдними выводами философіи и естествознанія.

— Какое основаніе можетъ дать Библія для такой теоріи?!— съ негодованіемъ возразилъ старикъ.—Я хорошо знаю Библію, какъ богословъ; не даромъ я былъ 40 лѣтъ учителемъ. Не могъ безусловно осуждать бракъ Тотъ, Кто присутствовалъ на свадебномъ пиру въ Канѣ; не могло быть и мысли о братскихъ отношеніяхъ мужа къ женѣ на умѣ Того, Кто такъ любилъ дѣтей, эти золотые цвѣточки на древѣ благословеннаго брака.

— Какъ можетъ христіанскій аскетъ (замѣтьте, какое противорѣчіе въ этихъ словахъ!) ссылаться на Св. Писаніе?—съ жаромъ заговорилъ незнакомецъ.—Да знаетъ ли г-нъ Толстой эти перлы изъ сокровищницы Псалтыри: „Вотъ наслѣдіе Господа—дѣти; награда отъ Него—плодъ чрева. Чтò стрѣлы въ рукѣ сильнаго, то—сыновья молодые; блаженъ человѣкъ, который наполнилъ ими колчанъ свой!“ И, повышая голосъ, онъ заключилъ: „Жена твоя, какъ плодovitая лоза, въ домѣ твоємъ; сыновья твои, какъ масличныя вѣтви, вокругъ трапезы твоей“.

— Такъ благословится человѣкъ, боящійся Бога,— съ благоговѣніемъ прибавилъ съ своей стороны старикъ, который теперь почти примирился съ сосѣдомъ.

— Ну, какъ Толстому не знать этихъ перловъ Св. Писанія! Вѣдь Толстой самъ поэтъ и, конечно, много почерпнулъ изъ этого неизсякаемаго источника чистѣйшей поэзіи. Если бы онъ сидѣлъ между нами, онъ вѣроятно, назвалъ бы только такое подтвержденіе ученія Христова Ветхимъ Завѣтомъ *hysteron proteron*, анахронистическою перестановкою въ доказательствѣ, ибо Іисусъ Христосъ исправилъ законъ, „исполнилъ“ его, слѣдовательно Онъ не нуждается въ оправданіи Вет-

химъ Завѣтомъ. Что его толкованіе текста: „всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“ ужъ не такъ сильно противорѣчитъ Евангелію и требованіямъ философіи, это доказывается, пожалуй, и тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣмцы, которымъ ужъ нельзя отказать въ религіозности и склонности къ спекулятивному мышленію, именно „Крейцерову Сонату“ и читали съ особеннымъ, необычайнымъ интересомъ.

— И теперь еще читаютъ,—прибавилъ незнакомецъ.—Охъ, ужъ эти нѣмцы, эти разсудительные берлинцы, а особенно эти лицемѣрные, мнимообразованные берлинки! вѣдь именно женская-то половина столичныхъ обывателей и упивается тайкомъ этимъ дряннымъ сочиненіемъ! Ну, скажите ради Бога, неужели вы думаете, что при этомъ хоть сколько-нибудь интересуются самымъ вопросомъ, о которомъ трактуетъ книга? Только одни пикантныя, скабрѣзныя подробности возбуждаютъ любопытство этого рода читателей. На чтѣ у нѣмецкихъ писателей даже намекать не принято, то русскіе и французы обнажаютъ смѣлою рукою, не задумываясь, представляютъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, которыя, въ свою очередь, показываются подъ лупою; и эта-то литературная анатомія того, чего не слѣдуетъ касаться, чего не слѣдуетъ высказывать, и привлекаетъ жеманныхъ читателей, которыя на родинѣ допускаютъ только строго-нравственную семейную литературу, а сами увлекаются русскими да французами и сплетаютъ имъ вѣнки. О жалкій, лицемѣрный, ничтожный людъ! Думаете ли вы, что хоть одинъ изъ этихъ пустыхъ и похотливыхъ читателей „Крейцеровой Сонаты“ подъ ея вліяніемъ превратилъ свои супружескія отношенія въ чисто братскія? Думаете?

— Я не знаю, оказываетъ ли эта книга такое сильное вліяніе, убѣждаетъ ли кого; но я допускаю, что въ атмосферѣ

чувственности и безмыслія она можетъ производить такое же дѣйствіе, какъ короткая буря, очищающая воздухъ.

— Къ сожалѣнію, вліяніе ея сильнѣе, гораздо сильнѣе! она можетъ погубить именно самыхъ благородныхъ, самыхъ серьезныхъ, добросовѣстнѣйшихъ людей.

— Мнѣ припоминается,—замѣтилъ школьный учитель,— что я недавно читалъ о какомъ-то Штеттерѣ, который подвліяніемъ этихъ новыхъ романовъ покусился на убійство; упоминается тамъ и „Крейцера Соната“.

— Да, милостивый государь, упоминалась,—подтвердилъ незнакомецъ:—и этотъ Штеттеръ не только покушался, какъ вы изволили выразиться, но на самомъ дѣлѣ совершилъ убійство; онъ сталъ убійцею, благодаря этой проклятой книгѣ, дважды убійцею!

— Вы его знаете?—спросилъ я въ изумленіи, хотя самъ я смутно припоминалъ себѣ упомянутый случай.

— Этотъ Штеттеръ—я... Д-ръ Оскаръ Штеттеръ,—отвѣтилъ незнакомецъ.

II.

Старый педагогъ, который ужъ совсѣмъ примирился было съ сосѣдомъ, подкупленный его знаніемъ Библии, въ ужасѣ быстро отодвинулся къ самому окну, подальше отъ непріятнаго спутника. Я сначала отнесся недовѣрчиво къ откровенности незнакомца, считая ее мистификаціею. „Кто имѣетъ на совѣсти два убійства и сознается въ этомъ,—думалъ я:—тотъ обыкновенно сидитъ въ тюрьмѣ, а не разъѣзжаетъ по желѣзнымъ дорогамъ, наводя на всѣхъ страхъ и ужасъ“. Но незнакомецъ былъ такъ взволнованъ, кровь такъ сильно прилила къ его худому лицу, и всѣ черты его выражали теперь такое мучительное, безысходное раскаяніе, что я готовъ былъ вѣрить ему и робко спросилъ его:

— Не можете ли вы поближе познакомить насъ съ этимъ дѣломъ? То, что сообщали о немъ, все какъ-то неясно.

— А зачѣмъ мнѣ утаивать? Газеты уже давно трактуютъ о моемъ поступкѣ, оповѣстили о немъ всему міру... разумѣется, въ искаженномъ видѣ.

Въ эту минуту поѣздъ подошелъ къ станціи. Учитель поспѣшно собралъ свои вещи и, выходя изъ вагона, пожелалъ мнѣ пріятнаго путешествія; онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „пріятное“, бросивъ при этомъ многозначительный взглядъ на доктора, такъ что я не могъ не понять ироническаго оттѣнка его пожеланія. Онъ ѣхалъ навѣстить свою любимую внучку. Не успѣлъ онъ ступить на платформу, такъ ему бросилась на шею прѣлестная, свѣженькая 16-лѣтняя дѣвушка и, радостно привѣтствуя „дорогого дѣдушку“, осыпала его поцѣлуями.

Д-ръ Штеттеръ задумчиво смотрѣлъ на эту сцену; потомъ, участливо кивая головою, проговорилъ: „Дай Богъ; чтобы это милое дитя не знало теоріи „Крейцеровой Сонаты“, чтобы ядовитое дыханіе русскаго развратителя нравовъ никогда не коснулось этой цвѣтущей жизни!“

Поѣздъ тронулся. Въ вагонѣ мы остались одни.

— Вы давеча сказали,—продолжалъ докторъ, вдругъ измѣнивши тонъ,—что ученіе Толстого согласно съ міровоззрѣніемъ пессимистовъ.

— Извините, не я, а самъ Толстой утверждаетъ это.

— Это только показываетъ, какъ неясно представляетъ себѣ или намѣренно лживо освѣщаетъ дѣло этотъ обскурантъ. Онъ ссылается на Гартмана, а не знаетъ (или не понялъ), что просвѣщенный пессимизмъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаиваетъ на бракѣ. По Гартману, совершенствованіе чело-вѣчества немыслимо безъ взаимодѣйствія обоихъ половъ, при которомъ только и сглаживаются односторонности, только и восполняются пробѣлы. Замѣьте, такой результатъ взаимодѣйствія возможенъ только при продолжительномъ, неразрыв-

номъ союзѣ, такъ что бракъ — первое условіе водворенія на землѣ нравственности во всей ея полнотѣ, и уже съ одной этой точки зрѣнія толстовское упраздненіе брака было бы роковою помѣхою къ воплощенію въ жизни идеи нравственности.

Человѣкъ, говорившій такъ, не могъ быть пьянымъ. Меня поражало то, что онъ цитировалъ на память цѣлыя мѣста изъ Гартмана, хотя не всегда впопадъ, что я ему и замѣтилъ:

— Сколько я припоминаю, Гартманъ возстаетъ противъ незаконнаго сожительства и настойчиво указываетъ на горькую судьбу дѣтей и гибельныя послѣдствія для самой общественной жизни въ томъ случаѣ, если бы люди устранили законный бракъ. Толстой, напротивъ, отвергаетъ вообще всякую брачную жизнь; онъ не хочетъ, чтобы у супруговъ были дѣти; такое благословеніе онъ считаетъ позоромъ; онъ не останавливается даже передъ страшнымъ логическимъ выводомъ, что вѣдь обезлюдѣетъ земля, если, слѣдуя его ученію, послѣднее поколѣніе рода человѣческаго, стремясь къ святости (въ смыслѣ Толстого), проживетъ въ безбрачїи.

— И эти чисто братскія отношенія мужа къ женѣ Толстой называетъ любовью, любовью высшею, чистѣйшею, замѣняя порывисто-страстнаго бога Эроса блѣдною, увядшею платоническою подругою ἀγάπη, человѣколюбіемъ!..

— Ну, зачѣмъ же такое пренебреженіе къ человѣколюбію вообще...

— Я не пренебрегаю имъ; напротивъ, я преклоняюсь передъ любовью къ ближнему, какъ высоко цѣню вообще всякое самоотверженіе, беззавѣтную преданность, самопожертвованіе: говори я хоть ангельскимъ языкомъ, но безъ любви къ ближнему, безъ ἀγάπη я не больше, какъ металлъ звучащій, трещотка, погремушка. Но всѣ мы прежде всего люди, подчиненные одинаковымъ для всѣхъ законамъ природы, а потомъ уже христіане. Богъ не запретилъ порывовъ духовно-чувствен-

ной любви,—иначе зачѣмъ они вложены въ каждое здоровое человѣческое сердце? Половая любовь искони была и навсегда останется естественною и Богомъ благословенною страстью. Страсти—дѣти природы; въ нихъ кроется что-то бурное, стихійное; въ непосредственныхъ натурахъ проявляются онѣ сильнѣе всего. Идеальный, по Толстому, человѣкъ не долженъ поддаваться этой стихійной страсти любви, такъ какъ это было бы униженіемъ, позоромъ, грѣхомъ. Если бы ему удалось такимъ образомъ подавить природу, его любовь была бы не величественнымъ, плодотворнымъ бурнымъ движеніемъ, а напоминала бы тихое, безсильное дуновеніе чуть теплаго вечерняго вѣтерка. Такая братская любовь у супруговъ прямо ведетъ въ больницу или въ домъ умалишенныхъ. Это насмѣшка надъ жизнью. Я, дуракъ, въ свое время не понялъ этого, слишкомъ довѣрчиво послѣдовалъ этому старческому ученію о воздержаніи. Во мнѣ происходила борьба; я усомнился въ истинности здраваго смысла, я хотѣлъ подавить въ себѣ природу, я впалъ въ заблужденіе, я искалѣчилъ себя,—и за это жестоко наказанъ: я лгалъ самому себѣ и женѣ, ложно философствуя о счастіи и юности, этой веснѣ жизни, и наконецъ вотъ этими самыми руками пролита кровь собрата, а моя бѣдная жена, потрясенная этимъ ужаснымъ поступкомъ, преждевременно сошла въ могилу.

Съ участіемъ, но не безъ тайнаго содроганія посмотрѣлъ я на сокрушеннаго собесѣдника.

— Вы содрогаетесь передо мною,—продолжалъ онъ, горько улыбувшись:—не скрывайте! Этимъ вы невольно подтверждаете взглядъ Нитцше, что пережитое ужасное наводитъ на мысль, не представляетъ ли нѣчто ужасное и тотъ, кто испыталъ все это.

— Нѣтъ, господинъ докторъ, я не сужу такъ легкомысленно скоро, ибо я не могу, какъ всевѣдущій Богъ, читать въ сердцахъ и, слѣдовательно, знать, что зависѣло отъ воли

человѣка и что нѣтъ. Но я не понимаю одного: какъ же вы послѣ всего этого вотъ теперь спокойно сидите противъ меня, не арестованы? вѣдь у здѣшнихъ властей тонкое чутье и длинныя руки.

— И для меня это непонятно; или, лучше сказать, это понятное слѣдствіе непонятнаго состоянія современнаго общества. Нашъ вѣкъ — больной вѣкъ; эта болѣзнь коснулась и суда, который теперь представляетъ изъ себя развѣ только патологическій интересъ... Впрочемъ, вы не поймете меня, пока не познакомитесь съ моей біографіей и не узнаете этой... моей исторіи. Она ужасна! именно, сама-то исторія ужаснѣе, чѣмъ ея злополучный конецъ.

Послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ:

— Вамъ нужно знать, какъ и для чего я женился, и чѣмъ былъ до брака. Я единственный сынъ бѣднаго сельскаго священника; только не задолго до смерти отецъ мой получилъ небольшое наслѣдство, которое перешло ко мнѣ и дало мнѣ возможность жениться. Можетъ быть, вы невысокаго мнѣнія о той пасторской средѣ, въ которой я выросъ? Но вѣдь изъ нея вышелъ Лессингъ, Нитцше... Изъ меня не воспитывали узкосердечнаго, односторонняго, нетерпимаго христіанина: отецъ мой обладалъ обширнымъ умомъ, а потому не придавалъ значенія формальной, внѣшней сторонѣ религіи и старался развить и укрѣпить во мнѣ непосредственное религіозное чувство, чѣмъ предохранилъ меня отъ грубыхъ доктринъ матеріализма и отъ глупаго увлеченія тѣми естествоиспытателями, которые кричатъ съ кафедръ, что начало всѣхъ вещей и основную причину всѣхъ явленій имъ удалось открыть въ химической ретортѣ. Я поступилъ въ университетъ, гдѣ изучалъ философію, исторію, литературу, пріобрѣлъ степень доктора — и навѣрно умеръ бы съ голоду, если бы неожиданно не получилъ наслѣдства.

Въ противоположность Позднышев у въ „Крейцеровой

Сонатѣ“, велѣ я жизнь воздержную, трезвую, замкнутую; при моихъ ограниченныхъ средствахъ я не могъ себѣ позволить никакихъ излишествъ, да меня они и не соблазняли; у меня была одна жгучая жажда—жажда знанія, и я зналъ только одно наслажденіе — черпать изъ этого источника знанія и орошать свою горячую духовную ниву. Мнѣ было тѣмъ легче избѣгать всякой распушенности, что всѣ мои товарищи были похожи на меня: мы посѣщали лекціи, обѣдали обыкновенно въ полдень въ дешевой кухмистерской; въ лѣтніе вечера совершали далекія прогулки, во время которыхъ обмѣнивались своими мыслями, роившимися въ горячихъ юношескихъ головахъ; въ зимніе же собирались у кого-нибудь на квартирѣ и предавались тому же духовному спорту.

Я былъ чистъ душою и могъ съ спокойною совѣстью называть себя нравственнымъ человѣкомъ. Толстой рисуетъ русскихъ молодыхъ людей распутниками; можетъ быть, это и правда,—я не знаю русской жизни; но къ намъ это не приѣмливо. Въ Берлинѣ, гдѣ я учился, есть безчисленное множество юношей, которые мужественно противостоятъ всякимъ чувственнымъ соблазнамъ; впрочемъ, слово „мужественно“ здѣсь неумѣстно, потому что это имъ не стоитъ никакой борьбы: они просто не знаютъ этихъ соблазновъ, потому что ихъ нога никогда не ступаетъ по тѣмъ стогнамъ, гдѣ совершается культъ Астарты. Наша „золотая молодежь“ — ну, та дѣйствительно испорчена до мозга костей: соблюдать внѣшнія приличія, избѣгать всѣми мѣрами только публичнаго скандала—вотъ вся ихъ нравственность; втайнѣ же они необузданно предаются своимъ извращеннымъ страстямъ.

Вы согласны со мною? да? Ну, а гдѣ есть тѣни, тамъ долженъ быть гдѣ-нибудь и свѣтъ. Этотъ свѣтъ, чистый и яркій, еще свѣтится у насъ въ здравомыслящемъ среднемъ классѣ; тамъ еще есть свѣжія, бодрья молодая дѣвушка, съ которымъ юноши обходятся просто, непринужденно; тамъ

мужчина еще найдетъ чисто-женственную атмосферу, которая не оскорбитъ его чистыхъ мыслей и чувствъ. Къ сожалѣнію, этотъ скромный слой общества имѣетъ теперь мало значенія; примѣромъ въ обществѣ служатъ теперь совсѣмъ другіе люди... Постигнуть, неизбѣжно постигнуть наше общество страшные перевороты, ужасныя крушенія и погромы, можетъ быть, оно испытаетъ даже ту напоминающую смиренныя дома коммунистическую жизнь, которую глупые проповѣдники всеобщаго равенства и кровожадные анархисты считаютъ возжелѣнною панацеею всѣхъ золъ, — пока наконецъ опомнятся люди, оставятъ ложь, лицемеріе, служеніе мамонѣ, оставятъ культъ пороковъ и опять возвратятся къ природѣ и истинному благочестію. Страшенъ, ужасенъ этотъ головокружительный жизненный вихрь, въ которомъ мы теперь несемъ неуклонно!.. Въ этомъ современномъ общественномъ болотѣ заблужденій, лжи и лицемерія погибъ и я, и только теперь вижу, въ чемъ заключается спасеніе, но уже поздно. Загубилъ я свое счастье, а довелъ меня до этого — душегубецъ Левъ Толстой.

III.

Именно, его „Крейцера Соната“ затмила мой разумъ, подкосила мнѣ ноги на порогѣ рая, и я не испыталъ блаженства брачной жизни, такъ какъ, и состоя въ бракѣ, пребывалъ внѣ этого рая, въ аду противоестественнаго, сумасброднаго, самоубійственнаго воздержанія, разстроившаго тѣло и душу... Попала въ мои руки эта пагубная книга въ то время, когда я былъ уже помолвленъ съ одной дѣвушкой, чистою, какъ горный ключъ, прекрасною, какъ полевая роза. Съ Агнесой я познакомился въ Зоологическомъ саду, гдѣ она гуляла однажды съ матерью, степенною вдовою чиновника.

Это было въ маѣ мѣсяцѣ. Свелъ насъ случай, и способствовала нашему сближенію маленькая услуга, которую я оказалъ дамамъ, добывши имъ пару стульевъ для отдыха. Я имъ представился... Какъ сладко для меня звучали въ устахъ Агнесы слова: „г-нъ докторъ“, съ которыми теперь обращалась она ко мнѣ! Мать спросила, не врачъ ли я. Я отвѣтилъ отрицательно и, смѣясь надъ собою, прибавилъ, что докторъ философіи лучше, потому что имѣетъ привилегію на голодную смерть. Дочь засмѣялась, показавъ при этомъ свои здоровые бѣло-голубые, какъ жемчугъ, зубы. Ей было чуждо всякое притворство, она не ловила жениха. Мать тотчасъ же поняла, что я, хотя и ученый, но безъ мѣста и безъ средствъ, не въ состояніи содержать жены; тѣмъ не менѣе она относилась ко мнѣ дружески, благосклонно; я видимо ей нравился: вѣроятно, я подкупилъ ее своею откровенностью насчетъ своего положенія. Изъ сада я проводилъ мать съ дочерью домой и, прощаясь, попросилъ позволенія бывать у нихъ, на что получилъ согласіе.

До этой поры видъ женщины ни разу не вызывалъ во мнѣ сладостныхъ мученій. Толстовскій Позднышевъ уже въ 14 лѣтъ былъ такъ развращенъ, что, употребляя его выраженіе, „мучился“, какъ мучатся де почти всѣ мальчики. Признаюсь, я этого не понимаю. Я видѣлъ много красивыхъ женщинъ: моя мать была красавица; одна изъ моихъ кузинъ, жившая у отца, слыла за необыкновенно хорошенькую дѣвушку; въ Берлинѣ очень много очаровательныхъ женщинъ. Но никогда женская красота не ускоряла моего пульса, не волновала моей крови. Образъ красивой и приличной дамы или дѣвицы дѣйствовалъ на меня, какъ дѣйствуетъ неожиданное счастье, блаженство,—я радовался въ душѣ и благодарилъ мать-природу, давшую жизнь такимъ прелестнымъ существамъ; а когда я встрѣчался съ падшими красавицами (кто

ихъ сотнями не видить въ Берлинѣ?), я каждый разъ чувствовалъ омерзѣніе и въ ужасѣ отворачивался отъ нихъ.

И теперь, когда я сталъ ближе къ Агнесѣ, мысли о милomъ, очаровательномъ существѣ никогда не возбуждали во мнѣ чувственныхъ мучительныхъ желаній; напротивъ, онѣ дѣйствовали на меня успокоительно, разгоняя пасмурное настроеніе и смягчая дурное расположеніе духа; ея образъ всегда возникалъ въ моемъ воображеніи, какъ лучезарное солнышко; въ душѣ становилось свѣтло, и всѣ затрудненія на моемъ жизненномъ пути, прежде казавшіяся мнѣ Чимборасами, теперь представлялись кротовыми кучками.

Что физическая близость такой дѣвушки все-таки не оставалась безъ вліянія на мою нервную систему, это разумѣется само собой: женская красота и любезность не можетъ не дѣйствовать на здороваго молодого человѣка; но это вліяніе, повторяю, не возбуждало во мнѣ чувственности. Въ присутствіи Агнесы я только чувствовалъ себя свѣжѣе, бодрѣе душою и тѣломъ; въ окружавшей ее атмосферѣ, напоенной ароматомъ дѣвственной чистоты, я всегда чувствовалъ, будто стою передъ чѣмъ-то святымъ, недоступнымъ; въ этомъ восторженномъ настроеніи я чувствовалъ себя способнымъ и готовымъ на все доброе и прекрасное, и никогда не приходили мнѣ въ голову мысли, которыхъ бы я послѣ стыдился... Она не носила соблазнительнаго жерсе, не выставляла обнаженныхъ рукъ и плечъ; напротивъ, ея прелести скрывались большею частью подъ скромнымъ, дешевымъ, но всегда чистымъ, свѣжимъ платищемъ, и никогда не прибѣгала она къ безобразнымъ туалетнымъ ухищреніямъ. По мнѣнію Поздышева, женщины отлично знаютъ, что любовь въ мужчинѣ, даже любовь возвышенная, поэтическая, возбуждается физическою близостью женщины, прическою, покроемъ платья; это можно сказать развѣ только о женахъ и дѣвушкахъ низшаго, послѣдняго разбора. Также его увѣреніе, что дѣвушка въ

присутствіи любимаго человека скорѣе допустить ложь, грубость, даже какую-нибудь пошлость, чѣмъ явится передъ нимъ въ некрасивомъ платьѣ, доказываетъ только, что онъ никогда не встрѣчался съ истинно достойными женщинами.

Незамѣтно влюбился я въ Агнесу, прелесть которой не зависѣла вовсе отъ туалета, и, поставивши однажды вопросъ, смѣю ли я просить ея руки, не могъ уже отвѣтить на него отрицательно. Не смотря на свою неопредѣленную будущность, я въ тотъ же день отправился къ ея матери и высказалъ ей свои желанія и свои надежды. Почтенная женщина не скрыла своего колебанія въ виду того, что ни у меня, ни у невѣсты не было никакихъ средствъ къ жизни. Когда же я ей объяснилъ, что у меня достаточно силъ и мужества, что я уже заручился обѣщаніемъ работы въ одной большой газетѣ, гдѣ мнѣ поручалось веденіе фельетона, она согласилась и просила меня обратиться съ предложеніемъ прямо къ дочери. Агнеса безъ всякаго жеманства подала мнѣ руку, я привлекъ ее къ себѣ, и она стыдливо спрятала свою милую бѣлокурую головку на моей высоко вздымавшейся груди; потомъ, когда улеглось первое волненіе отъ испуга и счастья, она подняла лицо и ласково и довѣрчиво посмотрѣла на меня своими большими, умными глазами: „Мы будемъ счастливы, Оскаръ, — говорилъ ея взоръ: — хотя я бѣдна, но голова у меня бѣдовая, и я буду тебѣ усердною помощницею въ работѣ; дай только мнѣ дѣло, соотвѣтствующее моему полу и способностямъ, и ты увидишь, что и я умѣю приобрѣтать и помогу тебѣ уютно устроить наше домашнее хозяйство“.

Я поцѣловалъ ее въ маленькія, красиво очерченныя губки и сказалъ: „Приобрѣтать—мужній долгъ; дѣло жены—получать, распредѣлять и сберегать...“ Чуть было не прибавилъ: „и воспитывать дѣтей“; но, понятно, не сказалъ этого. Такъ заключенъ былъ нашъ союзъ, свободно, по взаимной искрен-

ней, чистой любви. Полонили меня не уловки матери, не кокетство дочери: увлекла меня,—и только одна она,—сама природа, вѣчно творящая, приводящая въ сочетаніе все новые элементы; моя любовь не была продуктомъ манипуляцій портнихи и хитрости матери, но вполне естественнымъ заключительнымъ актомъ мірового процесса, предопредѣлившаго мою судьбу. Природа требуетъ брака; если бы она хотѣла безбрачія, она не создала бы разныхъ половъ,—это для меня ясно, какъ день. Не общество, не спекуляція матерей, не суетность и любопытство дочерей увлекаютъ мужчину въ бракъ: его собственное инстинктивное стремленіе къ полной жизни побуждаетъ его искать въ избранной женщинѣ дополненія своей несовершенной личности, — и благо ему, если онъ находитъ его и такимъ образомъ становится цѣльнымъ человѣкомъ, полнымъ человѣкомъ.

Въ чемъ я съ полнымъ правомъ могъ бы упрекнуть наше общество, это то, что его глупыя установленія и традиціи дѣлаютъ почти невозможнымъ для молодыхъ людей благовременное вступленіе въ бракъ, а это для общественной и личной нравственности—непоправимый вредъ.

— Какъ? вы жалуетесь на слишкомъ позднее заключеніе браковъ? — перебилъ я его: — да развѣ теперь не женится каждый, едва пушкомъ обросшій подмастерье, который едва въ состояніи прокормить самого себя? Неужели вы хотите, чтобы онъ обзаводился своимъ очагомъ еще раньше, уже въ семнадцать лѣтъ, когда у него на губахъ еще не высохло материнское молоко?

— Я говорю не объ этомъ классѣ людей,—нетерпѣливо возразилъ докторъ:—эти люди просто глупы и нуждаются въ опекѣ, которая останавливала бы ихъ отъ поспѣшныхъ шаговъ. Я разумѣю молодыхъ людей высшего общества, такъ называемыхъ образованныхъ классовъ. Подумайте: какой-нибудь кандидатъ на судебныя должности, офицеръ, молодой

техникъ, банковый чиновникъ, могутъ ли эти люди, и возмужавши, думать о брачномъ союзѣ? Не проживаютъ ли они самой лучшей поры зрѣлой юности холостяками? И какъ мало изъ нихъ сохраняютъ чистоту нравовъ въ этотъ долгій бурный періодъ, бурный отъ избытка юношескихъ силъ! Не въ этомъ ли мѣстѣ слѣдовало бы подвести рычагъ для поднятія нашей нравственности, для облагороженія всей человѣческой расы?

— Я не знаю, какъ это сдѣлать. Развѣ заставить государство вознаграждать каждаго чиновника съ перваго дня службы такъ щедро, чтобы онъ въ состояніи былъ содержать семью...

— А что жъ? развѣ это неразумное требованіе? Можно было бы соотвѣтственно уменьшить полки чиновниковъ или урѣзать оклады высшихъ сановниковъ.

Я покачалъ головой и хотѣлъ сдѣлать возраженіе; но онъ не далъ мнѣ говорить и продолжалъ съ живостью:

— Вы, кажется, считаете это невозможнымъ. А я вѣрю въ это. Но оставимъ этотъ вопросъ. Можно указать другія средства для устраненія препятствій къ современнымъ бракамъ. Отчего бы юному чиновнику, офицеру, кромѣ скудно вознаграждаемой службы, не имѣть, для увеличенія своихъ средствъ, хоть какого-нибудь побочнаго занятія вмѣсто того, чтобы поправлять свои денежныя дѣла игрою, займами или женитьбою на золотой рыбкѣ изъ какого-либо общественнаго болота? Правда, у насъ это не принято, считается даже неприличнымъ; вздумай такой молодой человѣкъ, кромѣ службы, давать уроки или тамъ,—скажу для примѣра,—рубить дрова, сейчасъ же осудятъ, обезславятъ: дескать, неблагородно. Тратить готовыя деньги, сорить безъ нужды занятыми—это прилично, по-джентельменски; а вотъ зарабатывать деньги въ потѣ лица и честнымъ путемъ—это неблагородное дѣло!...

— Вы, конечно, немного преувеличиваете, г-нъ докторъ?

— Нѣтъ, не преувеличиваю: я называю вещи своими именами, отъ чего уже, кажется, отвыкли въ нашемъ обществѣ. Ну, и какія же послѣдствія такой ложной оцѣнки способовъ приобрѣтенія?—продолжалъ онъ, въ сильномъ возбужденіи.—Безнравственность, самая голая, безстыдная безнравственность! Или это, по-вашему, не безнравственно, когда сынъ образованныхъ родителей, можетъ быть, отрасль стариннаго знатнаго рода, ради денегъ женится на такой особѣ, на которую онъ безъ этого смотрѣлъ бы презрительно, черезъ плечо? Матерямъ высшаго круга отлично извѣстно это положеніе вещей: чѣмъ меньше приданаго у ихъ дочерей, тѣмъ больше старанія выставить въ яркомъ свѣтѣ ихъ физическія прелести, чтобы завлечь осторожнаго и нерѣшительнаго жениха. Что? и съ этимъ не согласны? Ну, такъ присмотритесь хорошенько къ подобной дѣвицѣ высшаго круга, систематически испорченной хлопотливымъ бездѣльемъ! Развѣ ей не внушаютъ этимъ, что цѣль жизни заключается въ пользованіи всевозможными удобствами и наслажденіями? Развѣ насильственно не дѣлаютъ ее негодной, неспособной исполнять когда-нибудь долгъ преданой и самоотверженной супруги? развѣ такая нарядная барышня, которая привыкла только выставять свои прелести, и крохотный, воробыиный умъ которой весь наполненъ только знаніемъ туалетнаго искусства, которая, кромѣ того, умѣетъ еще кое-какъ говорить по-французски, пачкать полотно масляными красками да барабанить на роялѣ непрерывно лучшей фабрики,—развѣ такое жалкое существо, духовно нищее, да и физически уже искалѣченное корсетами, не разстроитъ семейнаго счастья и не принудитъ обманутаго мужа вскорѣ же послѣ вѣнца искать развода? А все зло оттого, что преувеличиваютъ значеніе денегъ; все оттого, что оцѣнка способовъ ихъ приобрѣтенія противорѣчитъ всякой логикѣ.

— Жалоба на служеніе мамонѣ—старая пѣсня. Но вѣдь вы, конечно, не желаете уничтоженія денегъ, подобно Беллами?

— Совсѣмъ нѣтъ! ужь не такъ я простъ. Денегъ вообще нельзя устранить: не будетъ золотыхъ и серебряныхъ денегъ, у людей сейчасъ же явятся въ качествѣ монеты какія-нибудь другія цѣнности, напимѣръ, рогатый скотъ, овцы, какъ у библейскихъ патріарховъ верблюды, или янтарь, раковины, пожалуй, даже жены, дочери. Нѣтъ, нельзя такъ презрительно смотрѣть на деньги, какъ дѣлаютъ это пустые идеалисты, мнящіе осчастливить и улучшить міръ. Честнымъ путемъ добытыя деньги—спасительная сила; этого не слѣдуетъ забывать въ нашъ вѣкъ коммунистическихъ бредней. Положеніе: „собственность — кража“ — бессмыслица, преступная ложь. Честнымъ путемъ пріобрѣтенное состояніе—великое благо; въ золотѣ кроются не одни только соблазны, искушенія,—оно способствуетъ развитію и высшихъ добродѣтелей. Отчасти нашему строго гуманистическому воспитанію слѣдуетъ поставить въ вину то, что оно пріучаетъ смотрѣть на богатство, какъ на ловушку сатаны; юношеству вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ нужно настойчиво внушать мысль о чрезвычайно важномъ, идеальномъ значеніи честно пріобрѣтеннаго имуществва. Этимъ были бы устранены многіе невѣрные, нелѣпые взгляды неимущихъ классовъ, а ненависть послѣднихъ къ людямъ имущимъ, тлѣющая теперь, такъ сказать, подъ пепломъ полуобразованія, погасла бы сама собой.

— Въ этомъ вопросѣ мы съ вами вполне сходимся, мнѣ это очень пріятно. Что же касается другихъ вашихъ взглядовъ, я не могу съ ними согласиться.

— Это потому, что вы не испытали того, что пережилъ я. Вы смотрите на человѣческій міръ и его установленія все еще глазами идеалиста; традиціи, привычки мѣшаютъ вамъ ясно видѣть окружающія явленія. Ну, а я уже отрѣшился отъ всякихъ преданій, предразсудковъ; я презираю всѣхъ этихъ людей, которые съ дерзкою надменностью называютъ себя „обществомъ“, а въ сущности представляютъ грубую массу, гудем

ndigestamque molem, проникнутую глупостью, высокоуміемъ и лицемѣріемъ.

Конечно, въ тотъ періодъ моей жизни, на которомъ я остановился, моя незлобная душа еще не знала ненависти, презрѣнія къ людямъ; я плавалъ въ морѣ блаженства: вѣдь я былъ счастливѣйшимъ женихомъ. Да, я нашелъ такое сокровище, которое было дороже всѣхъ коронныхъ брильянтовъ въ мірѣ: чистую, непорочную дѣвушку, напоминавшую только что распустившуюся розу. Я занялъ мѣсто въ редакціи газеты, и мы съ невѣстою назначили было день свадьбы въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, какъ вдругъ умираетъ отецъ. По случаю траура свадьбу мы отложили на полгода. Этимъ временемъ Агнеса и ея мать воспользовались для изготовленія запаса всякаго бѣлья, для чего я самъ накупилъ полотна и шертингу, такъ какъ полученное наслѣдство позволяло намъ сдѣлать домашнюю обстановку побогаче, чѣмъ мы проектировали вначалѣ. Во все время траура я проводилъ свободные часы въ домѣ невѣсты, любуясь на ея замѣчательную ловкость, съ какою она владѣла иглою и ножницами. Разумѣется, говорили мы часто объ отцѣ, и Агнеса никакъ не могла отрѣшиться отъ мысли, что ей не суждено лично познакомиться съ нимъ. Она такъ искренно, такъ трогательно выражала это сожалѣніе... При этомъ она старалась утѣшить меня и себя и дѣлала это съ такою непоколебимою вѣрою въ неисповѣдимые пути промысла Божія, что я самъ началъ проникаться этою дѣтскою покорностью волѣ Провидѣнія и невольно впутывался съ нею въ бесѣду о религіозныхъ вопросахъ.

Если я говорю „впутывался“, то этимъ хочу сказать, что вообще не слѣдуетъ нашей братіи, ученымъ философамъ, пускаться въ разсужденія о такихъ предметахъ съ подобными сердечными людьми. Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ сообщить въ этомъ отношеніи другъ другу стремящійся къ разумному познанію мужчина и совершенно удовлетворенная своимъ не-

посредственнымъ религіознымъ чувствомъ, правда, неяснымъ, но глубокимъ, женщина? Въ лучшемъ случаѣ мужчина немного просвѣтитъ женщину, т. е. испортитъ ее, уменьшить чарующую прелесть ея женственности, которая и состоитъ именно въ преобладаніи чувства надъ разсудкомъ. Я всегда питалъ отвращеніе къ такимъ просвѣщеннымъ женщинамъ, безъ непосредственного религіознаго чувства, умѣющимъ подвергать святыню своего сердца грубому анализу холоднаго разсудка.

Впрочемъ, я не раскаиваюсь въ томъ, что въ бесѣдахъ съ Агнесою касался религіозныхъ вопросовъ: я, по крайней мѣрѣ, пришелъ къ радостному убѣжденію, что она одинаково далека и отъ упомянутаго „просвѣщенія“, и отъ слѣпой вѣры въ букву церковнаго ученія. Она, сама того не сознавая, достигла совершенно вѣрнаго пониманія этого ученія, и своихъ убѣжденій она не принесла бы въ жертву ничему. Она представляла себѣ Спасителя другомъ и утѣшителемъ; ея душевное спокойствіе проистекало изъ твердой, непоколебимой вѣры во всемогущаго Промыслителя, бдящаго надъ всѣми, даже ничтожными тварями, изъ вѣры въ нравственный порядокъ въ мірѣ и въ загробную жизнь, гдѣ мы получимъ утѣшеніе въ воздаяніе за всѣ земныя скорби.

Я, ученый христіанинъ, невольно преклонялся передъ этимъ самобытнымъ, сердечнымъ религіознымъ чувствомъ невѣсты, и во мнѣ пробудилась тоска по моимъ давно погибшимъ идеаламъ. Подъ вліяніемъ Агнесы, я, философъ, изслѣдователь, сдѣлался смиреннѣе, скромнѣе, снисходительнѣе къ другимъ и строже къ себѣ. И я рѣшилъ сдѣлать серьезную попытку—къ такому міросозерцанію и душевному настроенію, какого Агнеса достигла такъ просто, безъ всякаго напряженія, прійти самому путемъ спекулятивнаго мышленія. Это былъ первый крутой поворотъ въ моей жизни; онъ несомнѣнно привелъ бы меня къ благому концу, если бы не послѣдовалъ

скоро затѣмъ второй, приведшій къ роковымъ послѣдствіямъ.

Прежде всего я рѣшилъ вести истинно христіанскую жизнь, не въ смыслѣ исполненія внѣшнихъ обрядностей, но въ духѣ основного, древняго христіанства, въ духѣ всеобщей любви къ человѣчеству, подавляя въ себѣ всѣ злыя наклонности, таящіяся въ сердцѣ каждого человѣка. Я началъ понимать, что мало вѣрить въ спасительную силу христіанства, мало исповѣдовать его: нужно, такъ сказать, пережить его, чтобы на самомъ себѣ испытать благодатную силу его.

IV.

Онъ умолкъ. Глубоко поникнувъ головой, онъ иногда быстро качалъ ею, какъ будто въ его душу нахлынули воспоминанія, возбуждавшія въ немъ то грусть, то отвращеніе, то отчаяніе.

— Ну, и что же? нашли вы успокоеніе въ своей христіанской жизни?—спросилъ я, чтобы побудить его къ продолженію разсказа, такъ какъ я уже началъ бояться, что онъ, погруженный въ свои думы, не доведетъ своей исторіи до конца.

Онъ очнулся и почти враждебно посмотрѣлъ на меня; потомъ улыбнулся горькой насмѣшливой улыбкой:

— Моя христіанская жизнь не умиротворила меня; мое христіанство, которое я задумалъ привести къ нормѣ, такимъ и осталось. То изучалъ я Новый Завѣтъ, разумѣется, въ греческомъ подлинникѣ, то бралъ въ руки Гартмана, Шопенгауера, Нитцше, желая согласить филозофскій пессимизмъ съ христіанствомъ; или перечитывалъ Псалтырь, съ желаніемъ проникнуться восторженными боговдохновенными мыслями, а также углублялся въ новѣйшія апологетическія сочиненія, силясь примирить знаніе съ вѣрою... Нѣтъ, нельзя въ одно и

то же время служить двумъ господамъ: или откажись отъ горделивыхъ внушеній независимаго разума, вѣрь безусловно и смиренно сноси жизнь, какъ тяжелый крестъ, или, не вѣря, рвись изъ ограда, которая полагаетъ предѣлъ человѣческому вѣдѣнію, и не удивляйся, если разобьешь себѣ голову, а желѣзные столбы ограды все-таки не поддадутся твоимъ усиліямъ.

— Съ вами нельзя согласиться. У людей вѣра не одинакова, имѣетъ свои оттѣнки: у однихъ сильнѣе, у другихъ слабѣе, но у всѣхъ она есть,—даже атеистъ въ кое-что вѣритъ, такъ какъ онъ никогда не достигаетъ вожелѣннаго всевѣдѣнія. И вотъ познавательная дѣятельность разума помогаетъ человѣку очистить, просвѣтлить, возвысить свою недостаточную вѣру...

— И въ заключеніе искоренить, убить ее совсѣмъ,—подхватилъ Штеттеръ.—Впрочемъ,—продолжалъ онъ со вздохомъ,—вы отчасти правы, и мои богословскія студіи не остались безъ вліянія на меня: во мнѣ пробудилось недовольство самимъ собою, я стремился стать истинно добрымъ человѣкомъ, я созналъ въ себѣ слабость религіознаго чувства, созналъ ничтожность стремленій къ почестямъ и наслажденіямъ, къ любви и счастью,—и я искалъ выхода изъ этого состоянія безсилія; натываясь постоянно на подводные камни и валуны, я все думалъ, какъ мнѣ попасть въ безопасный потокъ истинной жизни и добра.

Въ этотъ именно періодъ духовнаго крушенія, когда я твердо рѣшилъ начать новую богоугодную жизнь, которая умиротворила бы меня, освободила бы отъ сомнѣній, прислали мнѣ „Крейцерову Сонату“, для отзыва о ней въ завѣдуемомъ мною фельетонѣ. Сначала я не хотѣлъ самъ читать ее и послалъ для рецензіи одному изъ сотрудниковъ. Но когда съ разныхъ сторонъ начали получаться отзывы объ этой книгѣ съ просьбой помѣстить ихъ въ фельетонѣ, при чемъ большин-

ство добровольныхъ корреспондентовъ отказывалось даже отъ гонорара, я изумился и подумалъ: должно быть, это какая-то необыкновенная книга; или оригинальнымъ своимъ содержаніемъ возбуждаетъ она такую сенсацію, или сюжетъ ея старый и обычный, но обработка его до такой степени своеобразна, что она невольно привлекаетъ всеобщее вниманіе. И я рѣшилъ познакомиться съ этимъ сочиненіемъ, досталъ себѣ экземпляръ и въ тотъ же вечеръ прочелъ его въ одинъ присѣсть. Весь слѣдующій день былъ я не въ духѣ и крайне разсѣянъ; воспоминанія о прочитанномъ мѣшали мнѣ работать, и я невольно сталъ задумываться о главномъ вопросѣ, обсуждаемомъ въ этомъ сочиненіи. Вечеромъ я вновь перечиталъ его, на этотъ разъ уже съ синимъ карандашомъ въ рукахъ, что я всегда дѣлалъ при чтеніи серьезныхъ книгъ. Я отчеркивалъ мѣста, которыя мнѣ особенно нравились или вызвали сомнѣніе, возраженія. По окончаніи чтенія книга стала неузнаваема: едва ли въ ней осталась хоть одна страница, поля которой сверху до низу не были испещрены синими чертами и замѣчаніями. И съ этого дня,—до сихъ поръ не понимаю, какъ это случилось,—я какъ бы подпалъ искушенію дьявола: помрачился мой умъ, развратилась фантазія, смутилась совѣсть; какъ будто ввели каплю яду въ мой организмъ,—такъ сильно прилиwała кровь къ головѣ, я весь горѣлъ, какъ въ лихорадкѣ, и безпрестанно задавалъ себѣ вопросъ: неужели же Толстой правъ? неужели изреченіе евангельское: „кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“—относится и къ законной женѣ?

— Удивляюсь, какъ вы хоть на одну минуту могли допустить возможность такого насильственного, нелогичнаго толкованія. Если бы вожделѣніе той, которую любишь, которую избралъ себѣ въ жены, было грѣхомъ, тогда Іисусъ Христосъ преслѣдовалъ бы всякій бракъ и обрекъ бы чело-
вѣчество на монашескую жизнь.

— Я могъ бы привести и другія, не менѣ сильныя возраженія... Но тогда,—повторяю, самому мнѣ непонятно, какъ это могло случиться, — я стоялъ, какъ въ лѣсу, котораго однако не видѣлъ за ближайшими деревьями; я былъ озадаченъ, ошеломленъ, мой расудокъ парализованъ, и я безповоротно впалъ въ роковое заблужденіе. Объяснить все это теперь я могъ бы развѣ тѣмъ, что я былъ вполнѣ невиненъ, чистъ; близость невѣсты не возбуждала во мнѣ никакихъ другихъ представленій, кромѣ самыхъ чистыхъ; когда же я прочелъ „Крейцерову Сонату“, все это какъ отрѣзало... Этотъ русскій утверждаетъ, что близость женщины дѣйствуетъ на молодого человѣка, какъ дурманъ, ошеломляетъ его. Я рѣшилъ съ своей стороны провѣрить это при первомъ же свиданіи съ невѣстой. И удивительная вещь! (впрочемъ, ничего тутъ не было удивительнаго, а дѣло вполнѣ понятное)—я убѣдился,—такъ какъ во мнѣ не было уже прежней невинности,—что это правда... Агнеса только что выстирала кружева и съ засученными еще рукавами изъ кухни вошла въ комнату, гдѣ былъ я (она не знала о моемъ приходѣ).

— Оскаръ! ты уже здѣсь? я этого никакъ не ожидала... и она радостно подбѣжала ко мнѣ, обвила мою шею своими еще влажными руками и поцѣловала меня въ щеку.

Я испытывалъ странное ощущеніе отъ ея прикосновенія, будто меня змѣя укусила въ затылокъ. Я однако скрылъ это и на ея сердечную ласку отвѣтилъ холоднымъ рукопожатіемъ.

— Боже мой, что съ тобой?—спросила она въ удивленіи.

— Ничего, моя милая! сегодня я такой же, какъ и всегда; только немного заработался, усталъ; нынче я не могу долго оставаться у васъ,—мой долгъ призываетъ меня...

Она, кажется, замѣтила, что это былъ просто предлогъ, и вопросительно посмотрѣла своими голубыми глазами мнѣ прямо въ лицо; я чувствовалъ, что не могъ скрыть своего

замѣшательства. Но Агнеса была довѣрчивое, прелестное созданіе, всегда готовое подчиниться любимому человѣку, а потому она ограничилась простымъ возраженіемъ:

— Не смѣю мѣшать исполненію твоего долга, но зато завтра ты останешься подольше; не такъ ли, мой милый?

Я не могъ больше устоять противъ ея чарующихъ прелестей: я порывисто привлекъ ее къ себѣ и страстно поцѣловалъ въ уста.

Въ первый разъ испыталъ я въ этомъ поцѣлуѣ болѣзненно-пріятное ощущеніе вожделѣнія; какъ электрическій токъ, оно, должно быть, передалось и Агнесѣ, потому что она нѣжно отстранилась отъ меня, замаскировавши свое уклоненіе, свой дѣвичій страхъ передо мною совершенно излишнимъ, ненужнымъ приведеніемъ въ порядокъ своего швейнаго стола.

„Да, русскій правъ,—думалъ я въ смущеніи:—каждая женщина дѣйствуетъ, какъ белладона; я опьяненъ, оглушенъ; я не владѣю собою“.

Я напрягъ послѣдній остатокъ силы воли и рванулся вонъ, холодно попрощавшись съ невѣстой.

Съ этого дня началась для меня страшная, душу потрясающая пытка; я не догадывался, что именно эта злополучная книга извратила мое воображеніе, разрушила мою невинную простоту, смутила, даже извратила мои нравственныя понятія; я самому себѣ казался отвратительнымъ чудовищемъ, которое стремится къ обладанію любимой женщиной, чтобы только удовлетворить своей страсти, которое ставить ни во что чужую жизнь, причиняя физическія и нравственныя страданія, можетъ быть, болѣзнь, даже смерть. „Природа не даромъ вложила въ любовь нѣчто такое, чего мы стыдимся“, утверждаетъ тотъ русскій, и я, глупецъ, согласился съ этимъ взглядомъ и въ стыдливомъ страхѣ Агнесы

передъ моими дико-страстными ласками видѣлъ осужденіе моего поведенія.

Сумасшедшій герой „Крейцеровой Сонаты“, считающій каждый законный бракъ грѣховнымъ, увѣряетъ при этомъ случаѣ, что онъ пришелъ къ этому убѣжденію, будучи даже распущеннымъ, испорченнымъ человѣкомъ, и, гордясь своимъ логическимъ выводомъ, восклицаетъ: „А что было бы, если я не былъ развращеннымъ человѣкомъ!“ Слепецъ не видитъ, что тогда онъ пришелъ бы къ совершенно противоположенному выводу: для чистаго и невиннаго и любовь чиста и невинна. Задумывались ли вы когда-нибудь о стыдливости? Ну, и къ чему же вы пришли? Какъ вы себѣ объясняете причину стыдливости? Какъ вы опредѣляете самую стыдливость? а?

Какъ съ ножомъ къ горлу, приставалъ онъ ко мнѣ съ этими вопросами тономъ рѣзкимъ, повелительнымъ и нетерпѣливымъ.

— Я назвалъ бы стыдливость чувствомъ страха передъ словами и поступками, способными оскорбить нравственность и невинность. Что касается полной стыдливости, Шопенгауеръ, какъ извѣстно, объясняетъ ее чувствомъ вины человѣка: предавшись любви, онъ тѣмъ самымъ показываетъ свою слабость, склонность къ продолженію жизни, отъ которой онъ долженъ былъ бы освободиться, такъ какъ она сопровождается страданіемъ и смертью.

— О, я знаю это темное, натянутое толкованіе. Я нашелъ гораздо болѣе простое объясненіе сущности стыдливости; сколько знаю, его еще никто не проводилъ, и будь я учитель міровой мудрости, я могъ бы воспользоваться правомъ первенства такого открытія. Стыдливость, по-моему, чувство, привитое искусственно, путемъ наслѣдственности и воспитаніемъ, въ качествѣ страха—охранителя дѣвичьей чести. Первобытный человѣкъ на степени животнаго не

знаетъ стыдливости, ибо животное не имѣетъ ея; даже теперь есть дикари, которымъ чуждо это чувство. Стыдливость—продуктъ человѣческой культуры. Наши quasi-мудрые предки, считая нужнымъ скрывать отъ дѣтей все, что связано съ ихъ рожденіемъ, чтобы тѣмъ предохранить юношей отъ преждевременнаго знанія чувственныхъ наслажденій, внушали имъ, для лучшаго достиженія цѣли, чувство стыдливости и мало-по-малу привили его.

— Но вы, конечно, стыдливость культурнаго человѣка не считаете вздоромъ? Стыдливость у нравственной женщины то же, что запахъ у розы.

— Совершенно вѣрно! Стыдливость—одна изъ чарующихъ прелестей, особенно у женщинъ; она чаруетъ насъ, влечетъ къ себѣ, плѣняетъ, а не должна отталкивать мужчину, а женщину вести къ безбрачію. Стыдливость у дѣвушки охраняетъ ея честь, благодаря чему она отдается только избранному мужчинѣ, одному и единственно любимому. Развѣ она безстыдница, когда вся отдается законному мужу? развѣ она тогда падшая женщина? Я думаю, напротивъ, она и послѣ этого остается такою же стыдливою, нравственною, честною, порядочною женщиною; она повинуется природѣ со всею непосредственностью своей чистой, непорочной души; ее можно было бы назвать грѣшницею скорѣе въ томъ случаѣ, если бы она, желая сдѣлаться святою, вздумала бы совершенно чуждаться мужа: это преступно.

— Ну, я не назвалъ бы такого стремленія преступнымъ...

— Нѣтъ, оно преступно!—съ жаромъ прервалъ докторъ.— Вѣдь и природа свята; видимый міръ—одѣяніе Божіе; законы природы—древнѣйшія заповѣди, древнѣе закона Моисеева. Всякое сопротивленіе законамъ Бога, создателя природы, есть преступленіе, кощунство; проклята рука, дерзающая поправлять ризы Божіи.

— Но вѣдь Толстой въ своей книгѣ производитъ впечат-

лѣніе человѣка, для котораго нравственное совершенство людей—дорогое, священное дѣло. „Крейцерова Соната“ не принадлежит къ числу книгъ грязныхъ, соблазнительныхъ, рассчитанныхъ на грубую чувственность читателей.

— Я этого и не утверждаю. Только я бы желалъ, чтобы она была одною изъ такихъ позорныхъ книгъ: тогда я не читалъ бы ея, или она опротивѣла бы мнѣ, и ея грязь не пристала бы къ моей душѣ. Но она гораздо опаснѣе, пагубнѣе любой грязной книги. Подъ покровомъ благопристойности, со множествомъ библейскихъ изреченій она развращаетъ довѣрчиваго читателя. Она—волкъ въ овечьей шкурѣ...

Голосъ его дрожалъ, онъ поднялъ правую руку и съ угрозой сжалъ кулакъ.

Я замолчалъ, чтобы дать ему время успокоиться. Видимо, этотъ человѣкъ тяжело страдалъ. Онъ долго еще сидѣлъ неподвижно, устремивъ взоры въ пустое мѣсто вагона. Очнувшись, наконецъ, онъ обратился ко мнѣ:

— Извините! на меня иногда мгновенно находить разсѣянность. Сейчасъ вы услышите, что было со мной дальше.

V.

— Итакъ, я былъ женихомъ, я приготовлялся ввести Агнесу въ свой домъ и съ помощью наслѣдственного капитальца уютно устроить семейное гнѣздо,—и въ то же время,—странное противорѣчіе,—меня мучило тяжелое сомнѣніе въ нравственной законоправности моего стремленія, и я все болѣе и болѣе склонялся къ рѣшенію на будущее время съ своею женою жить, какъ съ невѣстою. Можете себѣ представить, какая дикая несообразность! Иногда мнѣ совершенно ясно представлялась вся глупость моего рѣшенія; разумъ, еще не совсѣмъ помраченный, протестовалъ, но въ этомъ

протестъ я видѣлъ только искушеніе грѣховной человѣческой природы. Агнесу я любилъ больше всего на свѣтѣ и думалъ: „если ты ее дѣйствительно любишь, любишь самоотверженно и готовъ для нея на всякую жертву, въ такомъ случаѣ ты не долженъ унижать ее, дѣлая свою работу, средствомъ для твоего наслажденія. „Эмансипація женщины,— проповѣдуетъ тотъ русскій,—совершится не на высшихъ курсахъ, а въ спальнѣ“. Я горячо повѣрилъ этому и захотѣлъ избавить Агнесу отъ рабской доли другихъ женщинъ. Бѣдная дѣвушка не чужая, какая гроза собирается надъ ея головой. Однако иногда она дѣлала мнѣ мимолетный упрекъ, что я не такъ нѣженъ съ нею, какъ прежде. Я, конечно, разувѣрялъ ее, объясняя свою холодность тѣмъ, что заваленъ редакціонной работой.

Когда я сидѣлъ въ своей рабочей комнатѣ, выходившей окнами на тѣсный дворъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокими стѣнами, мною часто овладѣвало какое-то тревожное чувство; я до того боялся оставаться одинъ, съ самимъ собою, что вскакивалъ и бѣжалъ въ комнату другихъ сотрудниковъ, чтобы тамъ видѣть человѣческія лица, слышать чужой голосъ и тѣмъ отвлечься отъ своихъ мучительныхъ мыслей. У меня не было друзей: я былъ такъ высокомеренъ, какъ почти всѣ газетчики да, пожалуй, еще школьные учителя, и меня вообще избѣгали. Не смотря на это, въ тяжелые минуты раздумья я прибѣгалъ къ товарищамъ по газетѣ. Я заговаривалъ съ ними о „Крейцеровой Сонатѣ“, желая узнать ихъ мнѣніе насчетъ ея тенденцій. Въ большинствѣ случаевъ въ отвѣтъ мнѣ пожимали только плечами: „Глупость!“—„Сумасбродство!“—„Охота вамъ читать такіе книги во вкусъ заурядной публики нашихъ общественныхъ библіотекъ!“ Только одинъ изъ нихъ высказался обстоятельнѣе. До сихъ поръ онъ въ нашей газетѣ завѣдывалъ отдѣломъ внѣшней политики, но въ послѣднее время рѣшилъ

оставить газетную работу и посвятить себя практической общественной дѣятельности. Это былъ высокій, стройный молодой мужчина лѣтъ 35; онъ имѣлъ свѣжій, здоровый смугловатый цвѣтъ лица; видно было, что онъ не долго сидѣлъ за редакціонной работой. Онъ, дѣйствительно, много путешествовалъ, бывалъ не только во всѣхъ главныхъ городахъ Европы, но и въ Сѣверной Америкѣ и въ нашихъ восточно-африканскихъ колоніяхъ. Мнѣ не совсѣмъ нравились его огненно-красныя волосы, обрамлявшіе его высокій интеллигентный лобъ; но женщинамъ онъ нравился: въ его умныхъ темноглубыхъ глазахъ было столько страсти, столько смѣлой увѣренности въ побѣдѣ... Онъ свободно говорилъ по-англійски и прекрасно по-французски; онъ много читалъ и былъ ревностнѣйшимъ послѣдователемъ Нитцше, который уже насладился всѣми благами жизни и для котораго уже давно не было ничего святого въ жизни челоѣческой.

О, если бы я тогда же разгадалъ этого негодяя! Онъ-то своимъ лицемѣріемъ, притворнымъ участіемъ, окончательно погубилъ меня.

Имя его Штурцбахъ, Адольфъ Штурцбахъ. Однажды, въ минуту душевной тревоги, я спросилъ его въ редакціонной комнатѣ, читалъ ли онъ „Крейцерову Сонату“. Онъ положилъ мнѣ на плечо свою руку съ тонкими, заботливо выхоленными пальцами, посмотрѣлъ на меня испытующимъ взглядомъ, какъ бы сомнѣваясь въ серьезности моего вопроса; и только послѣ того, какъ въ выраженіи моего лица прочелъ, что я не шучу, сказалъ мнѣ съ упрекомъ:

— Но, докторъ, за кого же вы меня считаете? Неужели вы думаете, что въ мои досужіе часы я забавляюсь чтеніемъ дамскихъ романовъ нашихъ семейныхъ журналовъ и совсѣмъ не интересуюсь выдающимися явленіями въ книжной области? Конечно, читалъ „Крейцерову Сонату“,—что я говорю: „читалъ“? я съ жадностью проглотилъ ее всю отъ первой до

последней строчки. Это въ полномъ смыслѣ слова просвѣтительное сочиненіе, но, конечно, только для избранныхъ отшельниковъ-философовъ, современныхъ Гераклитовъ и Эмпедокловъ, а не для полуобразованныхъ читателей газетъ, современной публики.

Съ своей стороны и я посмотрѣлъ теперь ему въ лицо, такъ какъ я не былъ увѣренъ, что онъ не смѣется надо мною; но я не замѣтилъ ни малѣйшаго слѣда насмѣшки, такъ что нельзя было не убѣдиться въ томъ, что онъ говорилъ серьезно и съ глубокимъ убѣжденіемъ.

— А что бы вы сказали, если бы я вамъ признался, что и на меня, жениха, эта книга произвела глубокое впечатлѣніе?

— Я бы поздравилъ васъ, докторъ, что свѣтъ познанія озарилъ васъ еще въ-время, еще въ XI часу, еще на пути въ Дамаскъ.

Съ этими словами онъ повернулся и хотѣлъ направиться къ своему столу. Но я остановилъ его и спросилъ настойчиво:

— Еще одно слово, Штурцбахъ: когда вы обѣдаете?

— Какъ и всегда, въ 4 часа.

— Могу я пойти вмѣстѣ съ вами?

— Вы мнѣ доставите удовольствіе.

Мы разошлись и принялись каждый за свою работу.

Время до 4 часовъ провелъ я въ лихорадочномъ нетерпѣннѣи и не въ состояннѣ былъ съ должнымъ вниманіемъ читать предназначенныя для фельетона рукописи.

Когда наступилъ вожделѣнный часъ, я вскочилъ съ мѣста, схватилъ шляпу и перчатки и вышелъ на улицу, чтобы тамъ у подъѣзда подождать Штурцбаха. Тотъ не заставилъ себя долго ждать.

— Вотъ и я,—сказалъ онъ, беря меня по-товарищески подъ руку.—Ну, пойдѣмте же! я голоденъ, какъ волкъ.

Улица кишѣла народомъ, насъ оглушалъ громъ экипажей. О, этотъ Берлинъ—настоящій адъ! Разговоръ былъ невысказаннымъ и мы шли рядомъ молча. Къ счастью, гостиница, гдѣ Штурцбахъ обыкновенно обѣдалъ, была недалеко. Мы заняли столикъ у окна.

Вы поймете, что за обѣдомъ, въ лихорадочномъ ожиданіи, я съѣлъ всего два-три кусочка. „Наконецъ-то,—думалъ я,—нашелъ я человѣка, который раздѣляетъ взгляды Толстого, который все разъяснить и успокоить, положить конецъ моимъ колебаніямъ“. Онъ ѣлъ съ удовольствіемъ здороваго беззаботнаго человѣка, любезно отвѣчалъ на мои вопросы и возраженія, представляя при этомъ безбрачіе, какъ единственное приличное состояніе человѣка, сознающаго свое достоинство.

— Но я вѣдь женихъ; какъ честный человѣкъ, я не могу уже отступить.

— Въ такомъ случаѣ послѣдуйте совѣту Толстого и останьтесь и послѣ свадьбы женихомъ вашей жены: чѣмъ дальше отъ жены, тѣмъ лучше.

— Не смотрите ли и вы на женщину такъ низко, какъ Шопенгауеръ?

— Пойдите вы со своимъ Шопенгауеромъ! его характеристика женщины просто смѣшна, потому что пристрастна, односторонняя, искажена озлобленіемъ, а озлобленный ненавистникъ женщинъ, по Нитцше, нисколько не лучше и не поучительнѣе сладострастнаго сатира, даже хуже. Взглядъ Нитцше вѣрнѣе: онъ не отрицаетъ и не осуждаетъ физическихъ прелестей женщины, но онъ утверждаетъ, что искони для жены нѣтъ ничего болѣе чуждаго, противнаго и враждебнаго, какъ истина; ложь—спеціально женское искусство; вся ея забота только о внѣшнемъ приличіи и красотѣ.

— Ну, не совѣмъ пріятно слушать влюбленному.

— Ахъ, Боже мой! ну, любите свою невѣсту и послѣ бра-

ка такъ же, какъ и до него, со всёмъ пыломъ вашей души. Чѣмъ чище, благороднѣе ваша любовь, тѣмъ легче вамъ удастся въ отношеніи жены остаться братомъ. Уже этого вы, надѣюсь, не станете оспаривать: высшее достоинство человѣка заключается въ творествѣ, созданіи полезныхъ вещей, а не въ рожденіи дѣтей.

Я не скажу, что Штурцбахъ уже тогда убѣдилъ меня, но для меня имѣло большой вѣсъ ужъ и то, что онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ русскаго новатора; одно это должно было рано или поздно склонить заколебавшееся коромысло моихъ вѣсовъ въ его сторону. Теперь мы сходились чаще, и однажды,—это было опять въ Зоологическомъ саду,—я представилъ его невѣстѣ и будущей тещѣ. Обѣимъ онъ понравился съ перваго разу, это было замѣтно: какъ сказано, онъ былъ пріятный собесѣдникъ и подкупалъ своею самоувѣренною свѣтскостью и пріятною наружностью.

Съ каждымъ днемъ наша дружба становилась тѣснѣе, и я все охотнѣе и довѣрчивѣе слушалъ ловкаго діалектика-соблазнителя. Видя его счастливую и свѣтлую жизнь и будучи увѣренъ, что онъ не состоитъ въ тѣсной связи ни съ одною женщиной, я говорилъ себѣ: такимъ свѣтлымъ, ничѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ души будешь обладать и ты, если послѣдуешь его принципамъ и въ будущей супружеской жизни останешься дѣвственникомъ.

Итакъ я твердо, безповоротно рѣшился послѣдовать ученію Толстого и убѣжденіямъ моего друга, и въ этомъ смыслѣ началъ дѣйствовать уже при устройствѣ обстановки нашего будущаго жилища. Я искренно былъ убѣжденъ въ своей правотѣ; я считалъ себя чѣмъ-то въ родѣ новаго святого, я предвкушалъ уже блаженство невозмутимой аскетической жизни, которую я смѣшивалъ съ истинною религіозностью; я былъ увѣренъ, что вступаю на истинный путь практическаго хри-

стіанства и совѣмъ не замѣчалъ болѣзненнаго извращенія своего нравственнаго чувства.

Домъ, въ который я скоро долженъ былъ ввести свою жену, находился въ тихой части города. Въ немъ было всего двѣ выходящія на улицу просторныя комнаты: гостиная и мой кабинетъ; третья свѣтлая комната, противъ гостиной, выходила во дворъ; далѣе шла обычная въ Берлинѣ темная столовая, зимою весь день освѣщаемая газомъ, наконецъ еще двѣ маленькія, въ одно окно, каморки въ темномъ коридорѣ, ведущемъ въ кухню; кромѣ того, намъ принадлежала еще одна комната для гостей въ третьемъ этажѣ. Моя теща, кажется, удивилась, когда увидѣла, что въ двухъ каморкахъ я поставилъ въ каждой по одной кровати. Она спросила, здѣсь ли будутъ наши спальни; я отвѣтилъ утвердительно, поясняя, что свѣтлая комната, противъ гостиной, неудобна для спальни, что тамъ лучше помѣстить библіотеку. Она, кажется, согласилась и успокоилась, видя, что обѣ спальни соединены обойною дверью, которую я пока не заставлялъ ничѣмъ.

Штурцбахъ былъ у насъ на свадьбѣ. Не знаю, какъ онъ смотрѣлъ на насъ, когда мы по окончаніи обряда бракосочетанія выходили изъ церкви, вѣроятно, насмѣшливо, съ злорадствомъ, какъ Мефистофель. Брачный пиръ прошелъ безъ особенныхъ приключеній, съ обычными, несносными для новобрачныхъ застольными рѣчами. Поднялъ бокалъ и Штурцбахъ и въ туманномъ тостѣ, одобрительно принятомъ всѣмъ обществомъ, но понятомъ только мною, пожелалъ намъ въ серебряную чашу всепобѣждающей любви золотого плода истиннаго познанія.

Отъ брачнаго путешествія Агнеса рѣшительно отказалась; да я и самъ былъ противъ него. Вы, можетъ быть, считаете такое путешествіе необходимымъ?

— Необходимымъ? нѣтъ. Я, правда совершилъ такое путешествіе, но собственно потому, что это и безъ того нуж-

но было сдѣлать: я по дѣламъ долженъ былъ ѣхать въ Бомбей.

— Если было нужно, дѣло другое. Но нарочно, безъ нужды, покидать свитое гнѣздышко и подвергать свою молодую жену насмѣшливымъ замѣчаніямъ и нескромнымъ взглядамъ содержателей гостиницъ и кельнеровъ,—помилуйте, это безвѣстно, право безсовѣстно.

— Ну, двусмысленные взгляды домашней прислуги, если молодые послѣ свадьбы остаются дома, тоже не всегда скромны и почтительны.

— О нѣтъ, пожалуйста! Огромная разница: выставять свою жену на показъ любопытной и насмѣшливой публикѣ гостиницъ или оставить ее на глазахъ домашней прислуги, которая живетъ съ нами подъ одною кровлей и составляетъ, такъ сказать, часть нашей семьи. Эти брачныя путешествія—выдумка нашего безнравственнаго общества. Простые люди не таскаютъ своихъ женъ по гостиницамъ для пріѣзжающихъ, они мило остаются себѣ дома и тѣмъ внушаютъ своимъ женамъ, что для первыхъ восторговъ любви нѣтъ болѣе святаго мѣста, чѣмъ собственный, всѣми добрыми геніями охраняемый очагъ. А вотъ мать высшаго круга, продающая свою дочь; запутавшійся въ долгахъ развратникъ, которому удастся поймать золотую рыбку; супруги, вступившіе въ бракъ по взаимному расчету, изъ честолюбія и дѣтскаго тщеславія,—такіе люди настаиваютъ на свадебномъ путешествіи, потому что стыдятся сдѣланнаго шага: они боятся справедливаго осужденія сосѣдей, товарищей, знакомыхъ; для нихъ необходимо какъ можно скорѣе и надолго исчезнуть, чтобы общество забыло про случившееся и свое вниманіе обратило между тѣмъ на какой-нибудь новый скандалъ.

Да и свадебные-то пиры съ подгулявшими гостями, часто позволяющими себѣ всяческіе намеки, для невинной молодой четы своего рода пытка.

Итакъ мы не путешествовали, а послѣ скромнаго обѣда въ тѣсномъ кружкѣ въ домѣ тещи отправились прямо къ себѣ на квартиру.

Агнеса была пріятно удивлена, когда, робко переступивъ порогъ, въ первый разъ увидѣла жилище, гдѣ она отнынѣ будетъ полною госпожею,—до того я не позволялъ ей осматривать его. Все для нея было ново и при свѣтѣ лампъ и свѣчей казалось вдвое прелестнѣе. Со мною рядомъ обошла она всѣ комнаты до самой кухни, гдѣ ее встрѣтила недавно нанятая кухарка изъ деревни; по своей простотѣ она сама подавала барынѣ руку и запинаясь пожелала ей счастья.

Въ столовой приготовленъ былъ для насъ чай. Когда я пригласилъ Агнесу занять мѣсто хозяйки, она помедлила нѣсколько мгновеній, легкая дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Потомъ она подошла ко мнѣ и сказала: „Благодарю, Оскаръ! какъ ты милъ! и какъ прелестно ты все это устроилъ!“ Она хотѣла поцѣловать мнѣ руку; но я не допустилъ этого и прижалъ ее къ себѣ. Она приникла своей бѣлокурой головкой къ моей груди, стараясь скрыть свои слезы, какъ жемчужины, скатывавшіяся съ ея рѣсницъ.

Я тоже былъ растроганъ. Я нѣжно погладилъ ея шелковистые волосы и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Не взыщи, милая; чѣмъ богать, тѣмъ и радъ. Дай Богъ, чтобы мы были довольны и счастливы въ нашемъ гнѣздѣ!

Большого усилія стоило мнѣ сказать это, ложь ли спутала мою рѣчь или случайная судорога гортани,—не знаю.

Мы сѣли и выпили по чашкѣ чаю. Изъ холоднаго ужина, который намъ поставили, Агнеса ничего не хотѣла брать, говоря, что она сыта послѣ обѣда. Я уговорилъ ее отвѣдать хоть кусочекъ, чтобы освятить такимъ образомъ нашъ столъ.

— Въ такомъ случаѣ развѣ вотъ этого, — сказала она,

взявъ тонкій кусочекъ чернаго деревенскаго хлѣба, который она медленно съѣла безъ масла и другихъ приправъ.

Послѣ чая пошли мы въ мою комнату.

— Ну, теперь ты долженъ отдохнуть, Оскаръ,—заботливо упрашивала меня жена:—и, пожалуйста, прошу тебя, закури свою сигару.

Я такъ и сдѣлалъ. Закуривъ сигару и попрощавшись, я вышелъ въ свою спальню, чтобы снять фракъ и надѣть домашній сюртукъ. Скоро я услышалъ, какъ Агнеса разговаривала съ горничной въ своей спальнѣ; очевидно, она тоже переодѣвалась, пользуясь услугой дѣвушки.

Я воротился въ кабинетъ и занялся чтеніемъ вечерней газеты. Черезъ нѣкоторое время входитъ ко мнѣ Агнеса въ милomъ домашнемъ костюмѣ.

— Но, милая, — сказалъ я съ удивленіемъ, — ты опять нарядилась! къ чему же это? вѣдь уже 11 часовъ; мнѣ кажется, намъ пора уже спать.

Она сконфузилась, вся покраснѣвъ при этомъ.

— Я не смѣю показываться въ *peigée* въ комнатѣ моего господина и повелителя....

Мы поговорили еще немного, пока я выкурилъ полсигары; затѣмъ я бросилъ окурокъ въ печку, взялъ зажженную лампу и сказалъ:

— Пора спать. Ты вѣдь такъ утомилась сегодня,—весь день въ напряженіи...

— Ахъ, да, Оскаръ, я дѣйствительно чувствую себя такъ усталою.

Въ ея словахъ какъ бы звучала скрытая мольба о великодушіи.

— Ну, иди, моя милая; ты сегодня уснешь крѣпкимъ, дѣтскимъ сномъ.

Мы прошли столовую, коридоръ, и я остановился передъ ея спальней.

— Вотъ твое царство, милая! Спи сладко, и пусть тебѣ приснится твой супругъ, который будетъ молиться о тебѣ. — Я поцѣловалъ ее опять въ лобъ.

Очнувшись какъ бы отъ кошмара, она посмотрѣла на меня съ благодарностію и, сердечно пожелавъ „покойной ночи“, быстро скрылась въ спальню.

Когда я вошелъ въ свою и началъ раздѣваться, я слышалъ, какъ Агнеса возилась въ своей комнатѣ.

— Ты еще не легла?—крикнулъ я ей.

— Да, вѣдь и ты тоже. Знаешь ли, Оскаръ, я, какъ старая дѣва, прежде чѣмъ лечь спать, должна все приготовить къ утру.—Повидимому, она совершенно успокоилась.

— Да благословить тебя Богъ!—крикнулъ я еще разъ.

— Да благословить тебя Богъ!—отвѣтила она мнѣ, какъ эхо.

Потомъ все стихло.

Черезъ четверть часа я погрузился въ глубокій сонъ. Проснулся только утромъ поздно.

VI.

Не есть ли, въ самомъ дѣлѣ, вся жизнь человѣчества сплошная бессмыслица, не совершается ли она по законамъ безумія, а не разума? Я не могу рѣшить этого, хотя въ моемъ частномъ случаѣ, въ моемъ тогдашнемъ поведеніи, это, кажется, вполне подтвердилось. Вы, можетъ быть, думаете, что на слѣдующее утро, когда я съ молодой женой въ первый разъ сидѣлъ за общимъ завтракомъ, я испытывалъ горделивое чувство самодовольства, которое волнуетъ грудь каждаго, кто одержалъ побѣду надъ самимъ собою? Напротивъ, я самъ себѣ казался вѣроломнымъ, жалкимъ трусомъ и едва былъ въ состояніи принимать участіе въ простодушной болтовнѣ Агнесы. Втайнѣ же-

стоко упрекая себя, я упорно смотрѣлъ въ тарелку и только украдкой робко поднималъ глаза, чтобы уловить въ чертахъ лица Агнесы выраженіе недовольства или печали. Такъ мститъ намъ, дуракамъ, природа, когда мы идемъ противъ нея, когда мы хотимъ попасть въ святыя, дерзко полирая ея законы; такъ возмущается наша совѣсть при каждомъ поступкѣ, не согласномъ съ величіемъ и разумностью нашей общей матери-природы.

Тогда я, конечно, еще не сознавалъ этого. Упрекъ совѣсти я считалъ за проявленіе своей еще не вполне подавленной чувственности, и я рѣшилъ тѣмъ упорнѣе стоять на своемъ, тѣмъ мужественнѣе бороться съ соблазнами сатаны, который все еще сидѣлъ въ моей горячей крови. Мнѣ казалось, что поведеніе Агнесы давало мнѣ на это полное право; мнѣ казалось, что томный взглядъ ея глубокихъ глазъ выражаетъ несомнѣнно благодарность за мое воздержаніе; она была такъ довѣрчива, такъ ласкова, такъ мила ко мнѣ, что было бы позорно злоупотреблять этою довѣрчивостью, воспользоваться этою преданностью для эгоистическихъ низкихъ цѣлей... А все-таки я былъ радъ, что завтракъ кончился, и что мнѣ какъ разъ была пора идти въ редакцію.

Я каждый день ходилъ туда между 9 и 10 часами утра и возвращался домой около 5 пополудни. Проходя по двору редакціи, я слышалъ голосъ позади себя:

— Эй, Штеттеръ! что такъ спѣшишь?

Я оглянулся и увидѣлъ Штурцбаха, который старался догнать меня. Не знаю, почему на этотъ разъ я не былъ радъ встрѣчѣ съ нимъ, почему мною вдругъ овладѣло тревожное чувство, какъ будто бы со стороны этого человѣка мнѣ грозило какое-нибудь несчастье. Но я тотчасъ же устыдился своего неосновательнаго чувства и принудилъ себя къ дружескому рукопожатію, чѣмъ втайнѣ и извинялся передъ нимъ.

— Ну, счастливеецъ!—началъ онъ полунасмѣшливо, испы-

тующимъ взоромъ глядя мнѣ въ лицо.—У васъ, конечно, еще не прошелъ чадъ отъ брачныхъ факеловъ? Но, Боже мой, что съ вами? у васъ такой смущенный видъ! Ахъ, понимаю: вы на себѣ испытали вѣрность пословицы: „гони природу въ дверь, а она войдетъ въ окно“, и вы пришли къ убѣжденію, что всѣ теоріи—вздоръ, неизмѣнны только законы природы. Ну, не бойтесь никакой укоризненной проповѣди, отпускаю вамъ грѣхъ вашъ! Вѣдь не всякъ можетъ воздержаться отъ заманчиваго семейнаго счастья: слабость—твое имя, о чловѣкъ!

Меня сердила его нескромность, а еще болѣе то, что онъ сомнѣвался въ твердости моего характера. Но я все это объяснялъ по-своему, я думалъ: вѣдь онъ—твой другъ; съ другомъ можно быть откровеннымъ.

— Вы ошибаетесь, Штурцбахъ! я остался вѣренъ своимъ заветнымъ убѣжденіямъ, и, надѣюсь, такъ будетъ и дальше.

Онъ посмотрѣлъ на меня большими, удивленными глазами, потомъ схватилъ мою руку и пожалъ ее такъ крѣпко, что мнѣ стало больно.

— Что Наполеонъ сказалъ про Гёте, то еще съ большимъ правомъ могу я сказать про васъ: „voilà un homme!“

Между тѣмъ мы поднялись по узкой каменной лѣстницѣ и, попрощавшись, разошлись по своимъ рабочимъ комнатамъ.

Это посвященіе третьяго лица въ интимное дѣло, касавшееся единственно меня и моей жены, мнѣ было, признаюсь, крайне непріятно. Но вѣдь и нельзя жъ было иначе: самъ же я искалъ дружбы Штурцбаха, и если онъ теперь, по праву друга, коснулся такихъ вещей, которыя для чужого чловѣка должны быть запретною областью, такъ вѣдь это новое доказательство его прямоты и его участія во мнѣ лично. Меня примирило съ нимъ также и то, что, явившись къ намъ чрезъ нѣсколько дней съ визитомъ, онъ относился къ моей женѣ

такъ почтительно и сдержанно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ предупредительно, вѣжливо, что его репутація любезнаго и тактичнаго свѣтскаго человѣка въ этомъ случаѣ была блистательно доказана на дѣлѣ. Трусливый пошлякъ часто не доводитъ своего дѣла до конца, оправдывая себя тѣмъ, что оно того не стѣитъ; а человѣкъ благородный долженъ мужественно идти къ полному осуществленію своихъ принциповъ, долженъ быть увѣренъ въ себѣ. Такъ и я не поддался мелкому чувству вражды къ другу, чтобы не унижить своего нравственного достоинства, достоинства человѣка съ сильною волею. Вотъ почему я отнесся къ Штурцбаху сердечнѣе, чѣмъ когда-либо, и просилъ его доставить намъ удовольствіе—посѣщать насъ по вечерамъ, если у него не будетъ болѣе пріятнаго препровожденія времени.

Онъ охотно принялъ это предложеніе. Онъ рекомендовалъ себя, какъ любителя музыки, вѣроятно, для того, чтобы быть намъ вдвойнѣ пріятнымъ, такъ какъ я и самъ былъ восторженный поклонникъ музыки, а моя жена—хорошая піанистка, съ душою и замѣчательною техникою. Агнеса почти каждый разъ, когда бывала у насъ Штурцбахъ, угощала насъ музыкой на славу, играя что-нибудь въ родѣ Пѣсни безъ словъ Мендельсона, какой-либо сонаты Бетховена и Шопеновскаго Ноктурно.

Я здѣсь долженъ замѣтить, что я вовсе не виню музыку,—не она довела меня до ужаснаго несчастья; напротивъ, именно музыка освѣтила мнѣ, какъ молнія, стезю, съ которой я сбился въ темнотѣ, и она была бы моею спасительницею, открыла бы мнѣ блаженство истинной любви, если бы тотъ негодяй своею предательскою низостью не омрачилъ моего разсудка и не толкнулъ меня на преступленіе, повергшее меня въ кромѣшную тьму мученій и отчаянія. Герой „Крейцеровой Сонаты“—просто варваръ, врагъ искусства; онъ стоитъ еще на азіатской ступени развитія, такъ какъ утверждаетъ,

что свободное, общедоступное занятіе музыкой ведетъ только къ развращенію нравовъ. Еще тогда, когда я въ первый разъ читалъ эту проклятую книгу, я поставилъ на полѣ противъ этого мѣста толстый вопросительный знакъ съ замѣчаніемъ: „Что-то ужасное про музыку“. Позднышевъ, спрашивающій: „что такое музыка? какая ея цѣль?“ напоминаетъ мнѣ одного профессора математики, который, выслушавъ чтеніе какого-то увлекательнаго стихотворенія, тупо, бессмысленно спросилъ: „А что этимъ доказывается?“ И развѣ это не чудовищное мнѣніе, будто музыка заставляетъ насъ совершенно забываться, вызывая въ душѣ новое, совершенно чуждое намъ настроеніе? Правда, это самое могучее и самымъ непосредственнымъ образомъ дѣйствующее искусство возбуждаетъ и въ насъ тѣ же чувства, какими проникнуть былъ композиторъ въ минуты творчества: если мы имѣемъ уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы чувствовать, мы, конечно, не заплачемъ при веселой застольной или порывистой плясовой пѣснѣ, а при скорбномъ похоронномъ маршѣ не испытаемъ и мимолетнаго припадка смѣха. Но,—и въ этомъ вся суть дѣла,—въ то, что мы слышимъ, мы влагаемъ свои собственные чувства; мы вовсе здѣсь не мѣняемся, не превращаемся, мы остаемся самими собою, никогда не измѣняется ни образъ нашего мышленія и чувствованія, ни вообще нашъ характеръ. Тутъ происходитъ то же самое, что бываетъ при созерцаніи красивой мѣстности: каждый наслаждается ею различно, по-своему, каждый обращаетъ вниманіе только на то, что соотвѣтствуетъ его природѣ, его склонностямъ.

Тотъ русскій желалъ бы, чтобы музыка допускалась только въ особенно важныхъ, нужныхъ случаяхъ, чтобы она назначалась для возбужденія н у ж н а г о въ данномъ случаѣ чувства, побуждала къ нужному въ д а н н ы й моментъ дѣйствию, чтобы она была непосредственно связана съ ними; если же этого нѣтъ, тогда она, по его мнѣнію, только бесплодно вол-

нуетъ, возбуждаетъ насъ, не давая исхода, практическаго направленія нашему чувству. Какое грубое, невѣжественное понятіе! Значитъ, искусство должно быть служебнымъ средствомъ только для опредѣленныхъ внѣшнихъ цѣлей, а не цѣлью само по себѣ? Избави Богъ отъ такого грубаго, еретическаго заблужденія! Иначе дойдешь до взглядовъ какого-нибудь Позднышева, который безъ дальнѣйшихъ разсужденій прямо объявляетъ: „Въ Китаѣ музыка—государственное дѣло, и это такъ и должно быть“. Нѣтъ, такъ не должно быть! Противъ такого китаизма въ музыкѣ нѣмецъ будетъ протестовать всегда, пока Господь не лишитъ его слуха и не заглушитъ его сердца. Музыка,—я говорю здѣсь о настоящей, истинной музыкѣ, а не о томъ звуковомъ хаосѣ тупицъ да ремесленныхъ оркестровъ,—музыка всегда, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возвышаетъ, освобождаетъ, облагораживаетъ; она даетъ нашимъ чувствамъ каждый разъ положительное направленіе, порываетъ насъ въ высь, къ источнику свѣта, красоты, добра, истины; она производитъ въ каждомъ, даже самомъ тупомъ слушателѣ болѣе или менѣе сильный katharsis, очищеніе души отъ жизненной грязи,—она просвѣтляетъ душу, возвращая ее къ чистотѣ ангельски-невиннаго дѣтства. Музыка—своего рода религія; она—своего рода богослуженіе. Правда, кто вошелъ въ храмъ обремененнымъ грѣхами и съ окаменѣлымъ сердцемъ, тотъ черезъ одно это не станетъ уже праведникомъ; и кто съ извращенною душою слушаетъ музыку, тотъ не пойметъ ее надлежащимъ образомъ и останется такимъ же негоднымъ, какимъ былъ до сихъ поръ. Но никогда истинная музыка не наталкиваетъ чистаго человѣка на грѣхъ, не приводитъ невинности къ паденію; скорѣе она способна обратить грѣшника и вызвать въ немъ раскаяніе.

Я предпослалъ все это для того, чтобы вы не поняли меня ложно, чтобы вы не подумали, что я, подобно Поздны-

шеву, музыку считаю виновницею того несчастья, какое постигло меня.

Итакъ у насъ часто бывали музыкальные вечера, т. е. Агнеса играла что-нибудь на роялѣ, а я и Штурцбахъ изображали слушателей. Я садился обыкновенно на диванъ и съ благоговѣніемъ слушалъ ея прекрасную и задушевную игру, такъ что ни за что не согласился бы перевертывать ей ноты, чтобы не мѣшать цѣльности и непрерывности своего наслажденія. Штурцбахъ, котораго я ужъ за одну готовность оказывать женѣ эту услугу не могъ считать музыкальною натурою,—а онъ былъ еще хуже этого,—стоялъ почти всегда рядомъ съ женою, очень близко, слѣдилъ внимательно по нотамъ за ея игрою и низко наклонялся, когда нужно было перевернуть ноты, къ самому пюпитру. Теперь я понимаю, что дѣлалъ онъ это для того, чтобы быть какъ можно ближе къ женѣ, чтобы лучше видѣть ея лицо, чтобы, наклоняясь, скрытно упиваться ея чистымъ дыханіемъ. Но тогда, въ первыя недѣли супружества, я былъ еще слѣпъ и не видѣлъ бѣды, которая росла на моихъ глазахъ, чтобы послѣ раздавить меня своими исполинскими руками.

На слѣдующее утро послѣ такихъ музыкальных вечеровъ жена казалась мнѣ всегда молчаливѣе, задумчивѣе; я приписывалъ это болѣе продолжительному, чѣмъ въ обыкновенные дни, бодрствованію и мелкимъ заботамъ, съ которыми сопряжено для хозяйки гостепріимство. Теперь я понимаю, что эта сосредоточенная задумчивость, эта разсѣянность, это чувство неудовлетворенности,—все это неизбѣжно у женщины, которой Богъ отказалъ въ дѣтяхъ. Чистая братская любовь, которою я отвѣчалъ моей женѣ,—да это собственно и не была безкорыстная братская любовь, ибо къ ней примѣшивалась большая доза эгоизма и нравственнаго тщеславія,—эта будто братская любовь не могла удовлетворять моей жены; она должна была инстинктивно чувствовать, что между нами стоитъ

какая-то стѣна, что я не даю ей того, что собственно только и упрочиваетъ супружеское счастье.

Боюсь, что вы дурно меня поняли. Не подумайте, что вышеупомянутое настроеніе жены вызывалось ея чувственностью. Впрочемъ, кому же я это говорю? Вѣдь вы не изъ числа тѣхъ холостяковъ, которые находятъ удовольствіе только въ сношеніи съ женщинами сомнительнаго поведенія; у васъ самихъ была супруга, и вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что мысли нравственно здоровой женщины никогда не витаютъ въ области извращенной чувственности.

Но о чемъ съ раннихъ лѣтъ сладостно мечтаетъ каждая истинная женщина, чего сознательно или безсознательно желаетъ, сначала смутно и неопредѣленно, а потомъ все яснѣе и опредѣленнѣе,—это дѣти, свои собственные, благовоспитанныя дѣти. Какъ всякое плодовое дерево со всѣми своими цвѣтами и листьями служить одной цѣли—давать плоды; какъ виноградная лоза открываетъ весною почку за почкой и выпускаетъ зеленые листья и душистые цвѣты, чтобы украсить осенью наливающимися гроздями,—такъ точно и у здоровой тѣломъ и душою супруги самой природой предопредѣленная цѣль и самимъ Богомъ освященное назначеніе—давать жизнь дѣтямъ. И моя Агнеса страстно желала дѣтей, а я, глупецъ и слѣпецъ, не замѣчалъ этого, въ своемъ непонятномъ нравственномъ заблужденіи упустилъ изъ виду это высокое назначеніе женщины, игнорировалъ его!

Какою отвратительною клеветою на женщину и на ея материнскую любовь отравилъ мнѣ душу этотъ Позднышевъ! Мой разсудокъ былъ совсѣмъ усыпленъ, я не понималъ того, что прекраснѣе и почтеннѣе всего на землѣ,—и тѣмъ ужаснѣе должно было быть мое пробужденіе отъ этого сна! Если тотъ русскій необинуясь утверждаетъ о женѣ,—и не только о своей, дѣйствительно сомнительной особѣ, но о женѣ вообще,—что она видитъ въ дѣтяхъ не источникъ радостей и

довольства собою, не предметъ гордости, а скорѣе наказаніе, источникъ безпокойствъ и безпрестанныхъ страданій,—то онъ совсѣмъ не знаетъ матерей, этимъ онъ оскорбляетъ не только нѣмку, но, вѣроятно, и русскую женщину. Хотя я никогда не наблюдалъ русскихъ матерей, но изъ обыденныхъ фактовъ, на которыхъ зиждется наука о природѣ человѣка, я знаю, что каждая женщина, если только она не искалѣчена духовно, любить свою плоть и свою кровь. Позднышевъ осмѣливается говорить о женахъ, что онѣ совсѣмъ не желаютъ имѣть дѣтей, чтобы не дрожать ежеминутно за ихъ здоровье и жизнь; съ другой стороны, онъ обвиняетъ ихъ въ фальшивой, „нечеловѣческой“ любви къ дѣтямъ, которыхъ посылаетъ имъ судьба, ставя имъ въ примѣръ курицу, гусыню, волчицу. Онъ доходитъ до того, что лжетъ, утверждая, будто рѣдко бываетъ, чтобы мать бросилась, на примѣръ, на слона съ цѣлью отнять у него своего ребенка, тогда какъ каждая воробьиная самка въ такихъ случаяхъ смѣло бросается на собаку, готовая пожертвовать своею жизнью. Вѣдь эти клеветы, поношенія, не согласныя ни съ какою антропологіею, читалъ я, будучи еще холостымъ, и повѣрилъ имъ; ихъ полную несостоятельность я долженъ бы былъ признать уже тогда, когда въ первый разъ увидѣлъ, какъ прижимала къ сердцу, какъ горячо цѣловала моя жена чужого ребенка.

Надъ нами въ верхнемъ этажѣ жилъ одинъ чиновникъ, у котораго была славная, молоденькая жена и четверо здоровенькихъ дѣтокъ. Ахъ, я до сихъ поръ вижу счастье этихъ добрыхъ людей, ихъ всегда веселыя, радостныя лица!.. Старшей дѣвочки, Еленѣ, съ умнымъ личикомъ и роскошными темнорусыми локонами, было около 5 лѣтъ; четырехлѣтняго Курта всѣ звали Путтъ, потому что онъ самъ такъ выговаривалъ свое имя; далѣе шелъ веселый мальчикъ Гейни, которому не было еще полныхъ трехъ лѣтъ, и наконецъ послѣдній, еще цыпленокъ, прелестный грудной ребенокъ, по

имени Билль. Никогда я въ своей жизни не видѣлъ такихъ свѣжихъ, такихъ прелестныхъ дѣтей, и я понималъ, почему такъ любила ихъ моя жена и въ мое отсутствіе такъ охотно бѣгала на верхъ позабавиться съ милой дѣтвoroй.

Однажды—это было въ свѣтлый майскій день—возвратился я домой изъ редакціи часомъ раньше обыкновеннаго и не нашелъ жены дома. Умываясь въ спальнѣ, я услышалъ черезъ открытое окно несшіеся со двора веселые дѣтскіе голоса. Я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ туда. Почти половину нашего двора занималъ хорошенькій садикъ, съ двумя-тремя грядками цвѣтовъ и весело бьющимъ небольшимъ фонтаномъ. Вижу: жена присѣла на низенькую скамеечку у самаго края бассейна, держа на колѣняхъ маленькаго Гейни, между тѣмъ какъ Елена и Путтъ играли на пескѣ садовой дорожки подъ присмотромъ дѣвочки-няньки, носившей на рукахъ спавшаго Билля. Боже мой, какую очаровательную картину, тронувшую даже меня, представляла вся эта группа, особенно моя жена съ прелестнымъ ребенкомъ въ бѣломъ короткомъ капотикѣ! Какъ любовно заглядывала она ему въ глазки, какъ нѣжно цѣловала его полныя щеки, какъ шаловливо болтала онъ своими голыми ноженками, съ какою благодарностью и какъ довѣрчиво протягивалъ онъ свои ручки къ ласковой тетѣ! Миѣ невольно припомнилась Мадонна съ Младенцемъ Иисусомъ. Поэзія всѣхъ временъ, скульптура, живопись на высшей ступени своего развитія не умѣли создать ничего прекраснѣе, ничего прелестнѣе, ничего трогательнѣе матери съ своимъ ребенкомъ. Такъ сидѣла моя жена,—она и не предполагала, что я воротился домой и давно наблюдаю ее,—прижимая къ сердцу и голубя чужого ребенка съ такою искреннею любовью, какъ будто это былъ ея собственный; такого свѣтлаго блаженства, такого умиленія никогда не выражало ея лицо. Повѣрите ли, я самъ себѣ показался какимъ-то злодѣемъ; безсознательно я сжалъ судорожно

кулаки и болѣзненно стиснулъ зубы... Ахъ, если бы вы видѣли, какъ посмотрѣла она вслѣдъ мальчику, когда онъ на зовъ сестры, сползши съ колѣней Агнесы, побѣждалъ отъ нея, смѣшно семеня заплетающимися ноженками; какъ грустно смотрѣла она ему вслѣдъ, какъ бы убитая тѣмъ, что исчезло ея мимолетное счастье,—вы проклинали бы мою аскетическую теорію, какъ преступное заблужденіе, и не усомнились бы ни на минуту, что священнѣйшій, неопустительный долгъ мужа—быть съ своею женою „въ плоть едину“. И у меня явилось тогда смутное сознаніе этого долга; я уже готовъ былъ подойти къ женѣ, съ искреннимъ раскаяніемъ сознаться въ своей грѣшной глупости и заявить о твердомъ рѣшеніи начать новую жизнь,—какъ вдругъ услышалъ въ коридорѣ звонокъ, и мнѣ доложили о приходѣ Штурцбаха.

Я принялъ его въ своемъ кабинетѣ. Онъ, конечно, замѣтилъ глубокое волненіе, отпечатлѣвшееся на моемъ лицѣ, потому съ видомъ заботливаго участія спросилъ:

— Что съ вами, докторъ? у васъ какое-нибудь несчастье?

Тутъ я, наконецъ, излился весь; я повѣрилъ ему все, что такъ долго лежало на сердцѣ, всѣ мои сомнѣнія, всѣ упреки совѣсти, всѣ мучительныя колебанія.

Онъ терпѣливо слушалъ меня молча; потомъ у него появилась легкая сострадательная улыбка, и онъ проговорилъ медленно и авторитетнымъ тономъ:

— Для меня не ново все то, что вы говорите; все это я пережилъ самъ и по собственному опыту знаю, что высокихъ цѣлей можно достигнуть только послѣ упорной, кровавой борьбы. Я не страшился этой борьбы, мужественно вынесъ ее, испытывая такіа муки, какихъ вы, пожалуй, и представить себѣ не можете. Мнѣ посчастливилось, и я вышелъ изъ этой борьбы съ самимъ собою побѣдителемъ. Ну, а если вы чувствуете свою слабость, если задача вамъ не по силамъ, то зачѣмъ вамъ дольше мучить себя?.. Оставьте свою тще-

славную мечту быть избранникомъ, высшимъ человѣкомъ, и довольствуйтесь жребіемъ обыкновеннаго, стаднаго мужа,—ваша жена простить вамъ это: любящая жена снесетъ все.

Я, дуракъ, не замѣтилъ скрытой цѣли этихъ словъ; дьявольскаго лошадинаго копыта-то и не видѣлъ подъ свѣтлою одеждою, которою прикрывался этотъ лицемѣръ. Онъ, дѣйствительно, обладалъ нѣкоторыми свойствами тѣхъ „чарующихъ, неопредѣлимыхъ, побѣдоносныхъ оболстителей, тѣхъ загадочныхъ натуръ“, которыя дѣйствуютъ на насъ, какъ гремучая змѣя на птицъ. Онъ съ дьявольскою ловкостью сумѣлъ опять задѣть, уязвить мое тщеславное самолюбіе; онъ говорилъ о пошлости полуживотной, жалкой жизни дюжинныхъ людей и о высокомъ, блаженномъ покоѣ души, который де приобретаетъ человѣкъ, противопоставляющій холодное безстрастіе мраморной статуи глупому горячему чувству, глупому аффекту. Я колебался уже въ началѣ его рѣчи; а когда мы наконецъ встали и онъ пожалъ мнѣ руку, какъ бы извиняясь за то, что говорилъ со мною такъ откровенно, необинуясь, я совсѣмъ ужъ подчинился ему, болѣе чѣмъ когда-либо былъ убѣжденъ, что, не обращая вниманія на несомнѣнную тоску моей жены, я долженъ твердо идти по избранному мною пути.

Я приглашалъ его посидѣть еще и дождаться жены; но онъ на этотъ разъ торопился, обѣщая зайти завтра, а сегодня де у него неотложныя дѣла. Такъ онъ попрощался со мною и оставилъ меня опять одного.

Когда немного спустя Агнеса вошла въ мою комнату, я сердито упрекнулъ ее, что она ужъ слишкомъ много занимается дѣтьми Брауновъ, какъ будто мало у нея дѣла по хозяйству. Въ первый разъ я такъ говорилъ съ нею.

Она посмотрѣла на меня въ испугѣ, сохраняя обычную кротость и безпрекословную любезность, и не сказала ни слова въ свое оправданіе или въ упрекъ мнѣ; она попросила

у меня извиненія и обѣщала исполнять мое желаніе. Я до такой степени былъ пристыженъ ея безупречнымъ поведеніемъ, что почти не говорилъ за обѣдомъ и тотчасъ же по окончаніи его ушелъ изъ дому, чтобъ только не оставаться съ Агнесой вдвоемъ.

Когда я вечеромъ въ одиннадцатомъ часу воротился домой,—все это время я страшно проскучалъ въ театрѣ,—жена мнѣ сообщила, что приходилъ Штурцбахъ и ждалъ меня около часу. Хотя онъ обѣщалъ мнѣ зайти собственно на слѣдующій день, однако я въ этой перемѣнѣ не увидѣлъ ничего особеннаго и, только чтобъ сказать что-нибудь, спросилъ:

— Что же вы дѣлали все это время?

— Я кое-что сыграла ему,—непринужденно отвѣтила она мнѣ.

VII.

Скоро мы пріѣхали въ Потсдамъ. Тутъ мы должны были пересѣсть на другой поѣздъ. Вмѣстѣ съ нами изъ вагона третьяго класса вышелъ просто одѣтый человекъ, по виду мѣщанинъ, который, какъ и мы, бродилъ теперь по платформѣ въ ожиданіи поѣзда. Мнѣ показалось, что онъ незамѣтно слѣдилъ за моимъ сосѣдомъ. Но такъ какъ онъ избѣгалъ встрѣчи и держался поодаль отъ насъ, то я могъ и ошибиться, поэтому я не обращалъ больше на него вниманія, интересуясь только своимъ замѣчательнымъ спутникомъ.

Наконецъ мы сѣли въ вагонъ новаго поѣзда; въ немъ, кромѣ насъ, никого не было.

— Такъ вы запретили своей женѣ часто видѣться съ дѣтьми Брауновъ?

— Не совсѣмъ запретилъ,—поправилъ докторъ:—я только посѣтовалъ на то, что она, повидимому, охотнѣе проводила время въ дѣтскомъ обществѣ, чѣмъ со мною, своимъ мужемъ.

Вамъ это покажется невѣроятнымъ, но я, говоря откровенно, ревновалъ ее къ этимъ дѣтямъ.

Онъ энергично кивнулъ головой, какъ бы желая предупредить всякое сомнѣніе съ моей стороны, и устремилъ на меня свой проницательный взоръ.

— Знаете ли вы, что такое ревность?—съ жаромъ продолжалъ онъ:—знаете ли? Если вы сами не испытали ревности, тогда вы и понятія не имѣете объ этомъ настоящемъ адѣ, съ кипящею смолою и сѣрнымъ смрадомъ, въ который толкаетъ насъ сатана при нашемъ собственномъ ослѣпленіи. Позднышевъ туда же говоритъ о своей ревности къ скрипачу Трухачевскому. Господи, Боже мой! какъ будто этотъ грубый русакъ, скованный брачными узами съ существомъ, такъ мало похожимъ на женщину, могъ когда-нибудь испытать настоящую, сердце и мозгъ сожигающую ревность! Могъ ли онъ ревновать жену, которую онъ при случаѣ осыпалъ самыми грубыми ругательствами, которую даже грозилъ убить, какъ собаку? Моя Агнеса, въ сравненіи съ этою пошлою, безсердечною русскою, была существомъ, достойнымъ обожанія, это была святая, ангелъ Божій.. И какія сумасбродныя понятія у этого Позднышева: „ревность неизбежна у супруговъ, нравственно павшихъ, т. е. имѣющихъ дѣтей!..“ Ну, слышали вы что-нибудь подобное? Неужели этотъ пророкъ думаетъ найти такихъ глупцовъ, которые повѣрятъ ему, согласятся съ его выводомъ,—онъ у него, правда, не высказывается прямо, но вытекаетъ самъ собою,—что единственное средство противъ ревности—чисто братская любовь къ женѣ? Глупый болтунъ! Я бы желалъ, чтобы онъ побывалъ въ моей шкурѣ! Я жилъ съ моей женою, какъ монахъ, и тѣмъ не менѣе меня изсушила, сожгла ревность.

Агнеса была послушная и уступчивая жена; она ограничила свои посѣщенія, насколько это было возможно. Но, разумѣется, она не могла отказывать г-жѣ Браунъ, та часто при-

ходила къ намъ со всѣми дѣтьми, и тогда-то моя жена вознаграждала себя за вынужденное лишеніе порывисто-страстными ласками, особенно когда пѣствовала маленькаго Гейни. Я самъ любовался на этого ребенка и втайнѣ сердился на себя за то, что хотѣлъ лишить жену радости прижимать къ сердцу такого милаго пузанчика; но я отлично понималъ, что это недовольство собою происходило изъ сознанія другой вины, такъ какъ я, пошлый эгоистъ, обманывалъ свою жену въ ея надеждѣ имѣть когда-нибудь своего такого ребеночка.

Но были у меня также моменты, когда я самому себѣ казался истинно великимъ, мужественнымъ человѣкомъ, героемъ, когда я предвкушалъ уже блаженство побѣдителя, когда тщеславно любовался собою, какъ Нарцисъ, воображая себя избранникомъ, имѣющимъ исключительное право на признаніе и милости неба. Въ эти минуты я считалъ свои неестественныя отношенія къ женѣ единственно разумными и надѣялся, что и жена въ скоромъ будущемъ придетъ къ убѣжденію, что мы шествуемъ по единственно правому пути; что и она въ страстномъ желаніи имѣть дѣтей увидитъ одну глупость, послѣднюю вспышку грѣховнаго вожделѣнія.

Такъ прошелъ первый годъ нашего супружества, и вмѣсто ожидаемаго болѣе тѣснаго сближенія между нами замѣтно стало нѣкоторое отчужденіе, котораго я сначала не хотѣлъ и допускать, но которое по временамъ чувствовалось ужъ осязательно.

Не разъ заставлялъ я жену, возвращаясь изъ редакціи раньше обыкновеннаго, съ замѣтно красными глазами.

— Ты плакала!—бывало, скажешь ей увѣреннымъ тономъ обвиненія.—О чемъ?

Она обыкновенно уклонялась отъ отвѣта, принужденно улыбаясь и стараясь принять возможно спокойный видъ. Отрицать, что она плакала, она никогда не осмѣливалась: она была слишкомъ правдива и никакъ не могла допустить лжи.

А если я настаивалъ, желалъ непремѣнно знать причину слезъ, она въ смущеніи, стыдливо вѣшалась мнѣ на шею и, лаская, цѣлуя меня, умоляла не мучить ее такъ. Отъ теплоты ея чистаго дыханія таяла моя строгость, и я не надобдалъ ей больше своими вопросами; я боязливо освобождался изъ ея объятій, чтобы не измѣнить своимъ принципамъ, чтобы не отвѣтить невольно на ея поцѣлуй, ибо я зналъ пословицу: кто не устранился отъ бѣды, тотъ погибнетъ.

Однажды вечеромъ,—дѣло было поздней осенью, на дворѣ выль вѣтеръ,—пришелъ я въ пятомъ часу домой и вижу: въ моемъ кабинетѣ зажжена лампа, и жена сидитъ за какою-то книгою. Когда я неожиданно для нея вошелъ въ комнату, она оглянулась въ испугѣ и старалась спрятать книгу; очевидно, она такъ была погружена въ чтеніе, что и не слышала моего прихода.

— Что это тебя такъ заняло?—недовѣрчиво спросилъ я и быстро выхватилъ у нея книгу, которую она хотѣла спрятать подъ передникъ. Она не сопротивлялась и въ смущеніи, запинаясь, проговорила:

— Это книга г-жи Браунъ... я взяла ее на-время... Билленька боленъ, и вотъ я хотѣла справиться, можно ли помочь ему и какъ.

Я посмотрѣлъ на заглавный листъ книги и прочелъ: *«Объ обязанностяхъ матери и объ уходѣ за дѣтьми. Составилъ Аммонъ. 26 изданіе»*.

Въ первый моментъ я остолбенѣлъ; потомъ во мнѣ шевельнулось будто чувство умиленія, жалости; но въ заключеніе моя желѣзная воля подавила все, и я строго упрекнулъ Агнесу:

— Пожалуйста, не бери подобныхъ книгъ въ руки!.. Это неприлично! скромная, благовоспитанная женщина не должна этого читать.

Она вспыхнула.

— Неприличное чтеніе для скромной женщины? Оскаръ,

я прошу тебя... Г-жа Браунъ порядочная женщина, и я не понимаю, почему мнѣ нельзя читать того, что ей подарилъ ея собственный мужъ?

— У г-жи Браунъ есть дѣти; для нея подобныя книги— печальная необходимость. А ты, славу Богу, не нуждаешься въ нихъ.

— Потому что у меня нѣтъ дѣтей? Это ты мнѣ ставишь въ упрекъ?

— Нѣтъ, въ похвалу, въ достоинство; наше бездѣтство дѣлаетъ насъ праведниками предъ лицомъ Божиимъ.

— Я этого не понимаю, — отвѣтила она мнѣ серьезно и искренно. Она видимо боролась съ собою, боясь излить все, что у нея было на душѣ. Вдругъ она, какъ бы избѣгая моихъ взглядовъ, прильнула ко мнѣ и не безъ усилія прямо спросила меня: „Оскаръ, за что ты меня презираешь? развѣ я тебѣ опротивѣла?“

И горячія слезы съ ея длинныхъ рѣсницъ скатились мнѣ на руки. Успокаивая, я гладилъ ея бѣлокурую головку.

— И какъ ты могла сказать это? ты мнѣ опротивѣла? да вѣдь я люблю тебя больше всего на свѣтѣ, больше своей собственной жизни.

Она недовѣрчиво покачала головой и продолжала, всхлипывая:

— Нѣтъ, Оскаръ! ты меня не любишь.

— Ну, что за глупости, дитя мое! И какъ ты дошла до такого ни на чемъ не основаннаго, ничѣмъ не объяснимаго сомнѣнія?

— Вонъ Браунъ, тотъ любитъ свою жену. А ты, Оскаръ?... У Брауновъ четверо дѣтей, какъ залогъ ихъ любви... А мы? Ты не можешь... И она горько зарыдала, и рыдала такъ сильно, что все стройное тѣло ея судорожно тряслось въ моихъ рукахъ.

Меня попеременно бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Я

посадилъ ее на диванъ рядомъ съ собою и попытался ознакомиться съ своими возрѣніями.

Трудно мнѣ было доказывать ей нравственную необходимость цѣломудренной, чисто братской любви между супругами, представлять такую любовь, какъ высшее призваніе человѣка просвѣщеннаго, стремящагося къ нравственному совершенству; я даже боялся раскрывать всю глубину этой трудной и отвратительной задачи передъ невинною женщиною. И каково жъ было мое изумленіе, когда я замѣтилъ, что Агнеса не только понимала меня вполне, но и свободно обсуждала данный вопросъ.

Уже тогда я долженъ бы былъ признать за истину, что чистому все чисто, и что нравственную женщину ея природный инстинктъ никогда не толкнетъ на ложный путь и на зазорные поступки. Тамъ, гдѣ я мучительно затруднялся выразить свою мысль и изрекалъ неясныя, мистическія фразы, она прерывала мои поясненія самымъ точнымъ обозначеніемъ вещей, и затѣмъ неуклонно возвращалась къ существенному пункту: почему именно я не желаю, чтобы она подарила меня дѣтьми; она де вполне увѣрена, что будетъ матерью нисколько не хуже возбуждающей ея зависть г-жи Браунъ.

Моего терпѣнія хватило не надолго.

— Съ вами, женщинами, нельзя разсуждать ни о чемъ отвлеченномъ; логика для васъ—темный лѣсъ. Я спрашиваю тебя, Агнеса, въ послѣдній разъ: хочешь ли ты быть падшей женщиной, какъ милліоны другихъ уродливыхъ, извращенныхъ женъ, или остаться чистою, святою и уже здѣсь на землѣ наслаждаться царство небесное въ качествѣ моей сестры по Господу?

Она остолбенѣла, смиренно опустивъ голову.

— Я желала бы угодить Богу не меньше, чѣмъ тебѣ, моему законному мужу.—Тихо сказавъ это, она съ выраже-

ніемъ самоотверженія, покорно положила свою щеку на мое плечо.

— Въ такомъ случаѣ будемъ жить и впередъ такъ, какъ мы жили до сихъ поръ, моя вѣрная жена!

Я поцѣловалъ ее въ красивый лобъ и былъ увѣренъ, что убѣдилъ Агнесу и вновь водворилъ въ своемъ домѣ счастье, свѣтъ.

Ахъ, какъ страшно пришлось разувѣриться въ этомъ!

VIII.

Пошелъ второй годъ нашего супружества, а полного счастья мы все еще не испытывали.

Какія нечеловѣческія мученія переносилъ я, чтобы остаться вѣрнымъ своимъ взглядамъ! Позднышевъ тамъ утверждаетъ, будто это бываетъ не долго, только въ самомъ началѣ борьбы, и что уже послѣ первыхъ счастливыхъ побѣдъ надъ нашею горячею кровью воздержаніе входитъ въ привычку. Это совсѣмъ невѣрно; у тупыхъ, вялыхъ, старообразныхъ особъ... можетъ быть; а у молодыхъ, полныхъ жизни людей ложь этой теоріи постоянно изобличается революціоннымъ возмущеніемъ ихъ неистощенной еще природы. Я мучился страшно, и моя жизнь въ этомъ призрачномъ бракѣ была не только позорною ложью, но и непрерывнымъ искушеніемъ, безмолвнымъ трауромъ по отцвѣтающей красотѣ жены, которую я обрекъ на увяданіе; въ моемъ больномъ мозгу, какъ червь, безпрестанно копошилось сомнѣніе: а что, если я вовсе не кандидатъ въ святые, а просто тщеславный обманщикъ, себялюбивый и малодушный дуракъ?

Однажды Агнеса должна была вмѣстѣ со мною принять гостей,—пришли ко мнѣ литераторы, которые желали погово- рить со мною о своихъ рукописяхъ. Не безъ скорби замѣтилъ

я, какъ тяготила ее продолжительная бесѣда; она то и дѣло вставала въ какомъ-то безпокойствѣ, чтобы показать гостямъ то какую-нибудь картинку, то фотографію, то новую книгу, или чтобы обратить ихъ особенное вниманіе на что-нибудь изъ комнатной обстановки. Вообще она придавала теперь большое значеніе обстановкѣ нашей квартиры. Она старалась украсить всѣ углы и простѣнки консолями, цвѣтами и нарядными ширмочками: всякую модную глупость, какую только она видѣла въ салонѣ другихъ хозяекъ, ей хотѣлось непременно имѣть и у себя. Показывала она гостямъ и всѣ наши комнаты, которыя она умѣла содержать въ высшей степени чисто и въ педантическомъ порядкѣ. Разъ я позволилъ себѣ насмѣшливое замѣчаніе насчетъ этого пристрастія.

— Не осуждай меня за это, Оскаръ! Другія жены показываютъ своихъ дѣтей; ну, а я, желая удовлетворить своему тщеславію, поневолѣ должна хвалиться только изящнымъ убранствомъ нашего жилища.

У меня кольнуло въ сердцѣ отъ этого откровеннаго признанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно оскорбляло и мое самолюбіе, а потому вызвало съ моей стороны рѣзкое возраженіе, которое довело жену до слезъ.

Штурцбахъ приходилъ къ намъ регулярно черезъ день; онъ обѣдалъ у насъ и много говорилъ о кругосвѣтномъ путешествіи, которое онъ задумалъ предпринять въ концѣ осени,—сотрудничество въ газетѣ онъ уже давно оставилъ. Агнеса слушала его внимательно; очевидно, ей нравился этотъ бодрый, свѣжій и занимательный человѣкъ. Я не сердился на это и часто оставлялъ ихъ въ замѣ однихъ, уходя въ свою комнату для окончанія какого-либо неотложнаго дѣла. Я слышалъ тогда тихіе, подавленные звуки фортепіано; это играла жена, а Штурцбахъ всегда былъ ея благодарнымъ слушателемъ. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда только что ушелъ отъ насъ Штурцбахъ, Агнеса сѣла возлѣ меня

на диванъ съ серьезнымъ дѣловымъ видомъ и какъ-то нетвердо проговорила:

— Оскаръ, у меня есть просьба къ тебѣ.

— Что тебѣ нужно, Агнеса?

Она остановилась на мгновѣніе и потомъ, какъ бы собравшись съ силами, быстро проговорила:

— Никогда не оставляй меня одну съ Штурцбахомъ.

— Почему? Что онъ непочтителенъ къ тебѣ? Позволилъ себѣ какую-либо фамиллярность? Обидѣлъ тебя?.. Боже мой, да говори же!

— Какъ ты вдругъ разгорячился! Послѣ этого у меня просто не хватаетъ духу передать тебѣ то, что меня угнетаетъ. Штурцбахъ ни въ чемъ не провинился, рѣшительно ни въ чемъ; онъ былъ такъ вѣжливъ и почтителенъ ко мнѣ, какъ и всегда. Но виновата я, Оскаръ... на себя жалуюсь тебѣ... я боюсь самой себя, когда остаюсь съ нимъ одна; я никакъ не могу въ это время отогнать отъ себя мысль, что онъ—мужчина, который... который...

— Ну, что же ты запинаешься? Говори смѣло!

— Который могъ бы сдѣлать свою жену счастливой.

— Какъ это?

— Онъ пожелалъ бы имѣть отъ нея дѣтей.

Я презрительно улыбнулся.

— Онъ? Штурцбахъ? Ха, ха, ха! Вотъ и видно, какъ мало вы, женщины, знаете мужчинъ! Нѣтъ, дитя мое, ты совершенно заблуждаешься. Или, можетъ быть, — въ послѣдній разъ шевельнулось во мнѣ недовѣріе, — можетъ быть, онъ далъ тебѣ какой-нибудь поводъ къ такой оцѣнкѣ? да? Надѣюсь, ты отъ меня ничего не утаишь.

— Я не скрываю ничего; я повторяю тебѣ, что его ни въ чемъ нельзя упрекнуть. Я могу обвинять лишь самое себя, и вотъ прибѣгаю къ тебѣ, моему мужу: ты мой естественный защитникъ... защити ты меня... отъ меня самой.

Она склонила голову на мою грудь, и слезы ручьемъ потекли по ея щекамъ.

Я былъ глубоко потрясенъ. Она, эта чистая, непорочная, благородная жена была совсѣмъ неспособна на какой-либо ложный шагъ. О грѣхѣ здѣсь нечего было и думать; но что она обвиняла себя въ грѣшныхъ мысляхъ, это уже былъ чувствительный ударъ моей гордой самоувѣренности. Значить, я больше не удовлетворялъ ее, я уже не былъ для нея земнымъ богомъ, которому она единственно поклонялась; она нашла другого, моего соперника, на котораго втайнѣ взирала съ запретнымъ желаніемъ... Но мыслимо ли это? Какъ могла вообще прійти въ голову этой замужней дѣвственницѣ, которая царилъ въ моемъ домѣ, какъ геній невинности и самоотверженной преданности, мысль о невѣрности? Какъ благочестивая, самоотверженная женщина, которой вѣдь было гораздо легче преодолѣть себя, чѣмъ мнѣ, бурному мужчинѣ, она,—думалъ я,—конечно, слишкомъ строго относилась къ себѣ, обвиняя себя въ такихъ возможныхъ грѣховныхъ помыслахъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было, но которыхъ она, при высочайшей чистотѣ своей совѣсти, только боялась, что они ей когда-нибудь могутъ прійти въ голову.

— Не дала ли ты ему когда-нибудь повода предполагать, что ты можешь предпочесть его законному мужу?

Она съ упрекомъ подняла на меня свои еще влажные отъ слезъ глаза.

— Оскаръ! какъ ты можешь объ этомъ спрашивать? Да развѣ та клятва вѣрности, которою я клялась тебѣ передъ алтаремъ, не стоитъ крѣпкою стѣною между мною и имъ? Но ты долженъ защитить меня отъ моихъ собственныхъ мыслей: я не хочу, чтобы его присутствіе дольше тревожило и мучило меня.

Теперь во мнѣ не было и тѣни недовѣрія. Я погладилъ ее по головкѣ и сказалъ съ облегченною душой:

— Все это призраки, слѣдствіе твоей крайней добросовѣстности. Вѣдь и ты человѣкъ, а какое человѣческое сердце не смущается образами, которые, какъ ядовитый смрадъ, поднимаются изъ нашего жизненнаго болота. Мы не можемъ непрерывно удерживать въ душѣ мысли исключительно небснаго происхожденія. Но ты не падай духомъ, — тутъ я обнялъ одною рукою ея затылокъ и отечески прижалъ ее къ себѣ, — теперь я никогда больше не оставляю тебя съ нимъ одну; ну, а вмѣстѣ со мной ты все-таки должна будешь принимать его: это мой искреннѣйшій другъ, и, пока онъ живетъ въ Берлинѣ, мнѣ нельзя ему отказывать отъ дома.

Пожелавъ другъ другу покойной ночи, мы разошлись; но она еще долго ходила взадъ и впередъ по своей спальнѣ. Я благодарилъ Бога, что Онъ далъ мнѣ такую вѣрную и беззавѣтно преданную жену; нѣчего было бояться невѣрности такой жены, которая сама себя винить передъ мужемъ за всякую мимолетную, невольную, грѣшную думу; недовѣріе къ такому созданію было бы просто позоромъ, и я совсѣмъ не ревновалъ Агнесу къ своему другу, который, конечно, и не предчувствовалъ того, что произошло между мною и женою. Такъ на мнѣ оправдалась пословица: кого Богъ захочетъ наказать, того ослѣпить или разумъ отнять.

Да, я былъ слѣпъ; и въ этомъ я виню изолгавшееся, нравственно испорченное общество, которое уже дѣтямъ прививаетъ ложь и обманъ, искусственно и насильственно приводя ихъ къ безнравственности и страданіямъ.

— Неужели серьезно вы приписываете воспитанію то упорство, къ какимъ вы шли къ своей цѣли? — спросилъ я съ недовѣріемъ.

— Конечно! Совершенно извращенному воспитанію, данному мнѣ и женѣ, которое и теперь получаетъ каждое существо, имѣвшее несчастье родиться въ этомъ изолгавшемся обществѣ! Развѣ это не безсовѣстно, не ведетъ ли прямо къ

непоправимому заблужденію съ его пагубнѣйшими послѣдствіями, что мы изъ ложнаго стыда скрываемъ отъ дѣтей все-относящееся къ происхожденію и рожденію человѣка? „Аистъ принесъ сестренку“, лгутъ наивно-довѣрчивому ребенку: „аистъ клюнулъ въ ногу матери, и она принуждена теперь лежать въ постели, пока не заживетъ рана“. Можно ли хотъ чѣмъ-нибудь извинить это сбиваніе съ толку, это злоупотребленіе дѣтской довѣрчивостью? Когда ребенокъ подрастетъ и въ школѣ познакомится съ основными законамъ естественной жизни, тогда явится у него сомнѣніе; да его скоро пристыдятъ въ невѣжествѣ и сотоварищи, болѣе свѣдущіе или болѣе зрѣлые; въ немъ шевельнется злоба противъ собственныхъ родителей, которые его обманули, такъ ловко надули, и его довѣріе къ нимъ разъ навсегда подорвано. Неужели эти обманы нужны для сохраненія чувства стыда? Они скорѣе убиваютъ стыдливость, такъ какъ у мальчика теперь является сознаніе, что и родители его лгутъ при случаѣ. Можете ли вы отрицать, что такое убѣжденіе для него мучительно, страшно мучительно?—А какъ это дѣло поставлено у простаго народа, въ деревнѣ? Тамъ каждый ребенокъ видитъ, какъ па́руются домашнія животныя; каждая крестьянская дѣвочка знаетъ, что корова телится съ болями; она осмѣетъ каждого, кто вздумалъ бы ее поучать, что теленка принесъ аистъ изъ деревенскаго болота. Если дѣти видятъ эти явленія животнаго міра безъ ущерба своей непорочности и нравственному чувству, то неужели же убѣжденіе, что и человѣкъ подчиняется животнымъ условіямъ существованія, ведетъ ихъ непремѣнно къ нравственной гибели?

— Но, господинъ докторъ, неужели вы желаете, чтобы въ эти вещи ужъ посвящалось еще незрѣлое юношество? чтобы такимъ образомъ въ немъ совершенно притуплялось чувство стыда,—эта черта, отличающая человѣка отъ животнаго?

— Я не согласенъ, что знаніе естественныхъ процес-

совѣ притупляетъ чувство стыда; напротивъ, именно незнаніе ихъ возбуждаетъ любопытство и сильныя желанія и тѣмъ скорѣе способно убить всякій стыдъ. Какимъ жалкимъ созданіемъ представляется такъ называемая „благовоспитанная“ дѣвушка высшего общества! Ее не приучаютъ ни къ какому другому занятію, у нея нѣтъ никакого другого призванія, она старается только украсить себя, довести прелести своего тѣла до высшей степени, чтобы стать цѣннымъ товаромъ на ярмаркѣ невѣсть; и при этомъ, благодаря воспитательной системѣ утаиванья, она можетъ совсѣмъ не знать всего естественнаго,—преступное невѣдѣніе, которымъ матери такъ охотно хвастаютъ, величая его „дѣтскою наивностію“,—и вступаетъ она въ бракъ совсѣмъ неподготовленною, не имѣя и смутнаго понятія о своемъ призваніи. Не постыдно ли это? не преступленіе ли это передъ потомствомъ? Если бы Агнеса получила воспитаніе, основанное на правдивости, она знала бы твердо и ясно, что назначеніе жены—давать жизнь дѣтямъ; тогда она потребовала бы отъ меня исполненія этого назначенія, какъ письменно утвержденнаго нравственнаго права, безъ всякаго ущерба истинной, природной стыдливости, которой не слѣдуетъ смѣшивать съ ложной, искусственной. Ложный стыдъ, заставляющій насъ закрывать глаза передъ естественными фактами, приучаетъ насъ къ притворству, лицемерію; а стыдъ истинный и при полномъ вѣдѣніи всѣхъ естественныхъ явленій укрѣпляетъ въ насъ правдивость и непорочность. Не исходи наше воспитаніе изъ того положенія, что отъ юношества нужно скрывать все, связанное съ продолженіемъ рода, или представлять ему все это въ совершенно ложномъ и глупомъ видѣ, нравственность вездѣ стояла бы выше. Сколько дѣвушекъ погибаетъ отъ безсовѣстныхъ соблазнительей, вслѣдствіе только невѣдѣнія, тогда какъ основательное ознакомленіе и откровенныя слова матери, можетъ быть, удержали бы ихъ на пути добродѣтели.

— Я допускаю, что юношество, пожалуй, слѣдовало бы постепенно знакомить въ этомъ случаѣ съ голою правдой при наступленіи полной фѣзической зрѣлости.

— Нѣтъ, не должно ни въ какомъ возрастѣ таить отъ него правду. Дѣвушкѣ никогда не рано знать, что она одинъ изъ тѣхъ священныхъ сосудовъ, въ которомъ заключено будущее человѣчество; что давать жизнь дѣтямъ—высшее назначеніе жены. Это не значитъ, что безплодная жена виновата въ неисполненіи своего призванія; есть женщины, которыя, не имѣя собственныхъ дѣтей, щедро изливаютъ свою истинно материнскую любовь на дѣтей родственниковъ, на слабыхъ, бѣдныхъ, страждущихъ, словомъ, на всѣхъ ближнихъ. Честь и слава этимъ умнымъ бездѣтнымъ женщинамъ, которыя замѣня дѣтей полюбили человѣчество, а не расточаютъ сокровищъ своего сердца на угрюмыхъ мопсовъ да мурлычущихъ кошекъ! Но все-таки законъ остается закономъ: законная жена должна имѣть собственныхъ дѣтей. Ахъ, если бы дѣвушкѣ серьезно внушили это еще въ школѣ! если бы ей выяснили, какое блаженство заключается въ страданіяхъ, жертвахъ, тревогахъ и лишеніяхъ, которымъ изъ-за дѣтей подвергаютъ себя родители! Да, мальчики и дѣвочки должны бы знать, что школьное воспитаніе—только подготовка, только пропедевтика, что полное воспитаніе человѣка завершается только тогда, когда онъ въ свою очередь воспитаетъ собственныхъ дѣтей. Docendo discimus! Тогда всѣ, кто стремится къ совершенству, женились бы какъ можно раньше и просили бы Всевышняго, чтобы Онъ уподобилъ жену плодородной виноградной лозѣ, чтобы благословеніе не миновало и ихъ дома. И если бы каждый мужчина, съ вождельніемъ смотрящій на женщину, всегда сознавалъ, что она можетъ принадлежать ему не иначе, какъ въ качествѣ жены, и что дѣти, которыми она можетъ его подарить, будутъ благословлять или проклинать только его одного,—я думаю, нравственность отъ этого

только выиграла бы, и жертвы соблазна были бы не такъ многочисленны.

И меня, мальчика, погубило недостойное этого имени воспитаніе, изъ ложнаго стыда скрывавшее отъ меня или лживо извращавшее факты природы; потому-то я такъ запутался въ пагубныхъ софистическихъ сѣтяхъ своей глупой аскетической философіи. Я видѣлъ страданія жены—и не понималъ ихъ; я зналъ, чего она желала,—и не далъ ей этого; я былъ одержимъ тѣмъ безпросвѣтнымъ философскимъ кошмаромъ, тою болѣзнью разсудка, которая свирѣпствуетъ не только въ Россіи, но, какъ видите, можетъ вскружить и нѣмецкую голову.

Наступалъ конецъ сентября. Однажды вечеромъ Штурцбахъ, которому я теперь не давалъ возможности остаться наединѣ съ Агнесой, сказалъ намъ:

— Я уже заявилъ, что оставляю квартиру, и къ 1 октября долженъ ее очистить; но пароходъ, на которомъ я хотѣлъ отправиться въ Индію, отходитъ десятью днями позже,—и я, теперь не знаю, гдѣ я буду жить это время.

— Переѣзжайте къ намъ,—предложилъ я безъ всякаго разсужденія:—наша комната для гостей до сихъ поръ стоитъ пустая.

Пріятно удивленный Штурцбахъ взглянулъ на жену, согласна ли она съ моимъ предложеніемъ; но она низко наклонила свое лицо надъ вышиваньемъ и, заботливо выводя стежку за стежкой, упорно хранила молчаніе.

— Вы очень любезны, докторъ,—проговорилъ Штурцбахъ, обращаясь опять ко мнѣ:—но я боюсь, что буду въ тягость вашей супругѣ.

Мнѣ было досадно, что Агнеса и теперь не сказала ни слова; приглашеніе со стороны хозяина, не поддержанное хозяйкою, есть полуприглашеніе. А потому я сказалъ не вполнѣ спокойно:

— Нашъ другъ ждетъ и твоего слова; ты такъ погрузи-

лась въ свое вышиванье, что, кажется, совсѣмъ не слышала, что я ему предложилъ.

Она почувствовала рѣзкость моего тона, подняла свое зардѣвшееся лицо, какъ бы прося прощенія, и тихо проговорила:

— Г. Штурцбахъ знаетъ, что твои желанія—вмѣстѣ съ тѣмъ и мои; о стѣсненіи не можетъ быть и рѣчи: комната совершенно готова, и если ему это пріятно, милости просимъ къ намъ во всякое время.

Только послѣ этого лицемѣръ принялъ предложеніе. Ничего не предчувствуя, безсознательно я ускорялъ наступленіе катастрофы.

IX.

Поѣздъ уже два раза останавливался на малыхъ станціяхъ, но въ нашъ вагонъ не сѣлъ ни одинъ пассажиръ, и такимъ образомъ никто не мѣшалъ намъ, чего я какъ боялся.

Я съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ рассказчика, который, безпрестанно уклоняясь отъ темы, теперь, кажется, собирался передать наконецъ то, что меня особенно интересовало. Я рѣшилъ не прерывать его своими вопросами, чтобы не дать ему повода снова уклоняться, чтобы поскорѣе узнать конецъ исторіи, такъ какъ ужъ недалеко была станція, на которой онъ долженъ былъ сойти. Но, къ моему отчаянію, онъ вдругъ замолкъ и, погруженный въ мрачныя думы, казалось, совсѣмъ забылъ о продолженіи своего рассказа.

У меня не хватило терпѣнія ждать, пока онъ заговоритъ самъ, я рѣшился натолкнуть его на это и спросилъ настойчиво:

— Ну, что же? тотъ въ самомъ дѣлѣ переѣхалъ къ вамъ?

Онъ вздрогнулъ и бессмысленно посмотрѣлъ на меня. Я повторилъ вопросъ:

— Воспользовался тогда Штурцбахъ вашимъ предложениемъ?

Теперь онъ, казалось, понялъ меня.

— Чертъ бы его побралъ раньше этого!—яростно разразился онъ.—Ужъ очень охотно имъ воспользовался! вѣдь оно давало ему вождельнную возможность привести наконецъ въ исполненіе давнее намѣреніе.

Стояли свѣтлые осенніе дни, когда онъ жилъ у насъ,—природѣ нѣтъ дѣла до нашихъ личныхъ отношеній, и она часто мило улыбается, когда мы погибаемъ. Пока я бывалъ ежедневно въ редакціи, нашему гостю приходилось выбирать одно изъ двухъ: или оставаться въ своей комнатѣ, или бродить по улицамъ Берлина, потому что Агнеса объявила мнѣ рѣшительно, что безъ меня никогда не приметъ его. Но къ обѣду онъ являлся аккуратно; мы съ удовольствіемъ обѣдали вмѣстѣ, такъ какъ онъ былъ занимательный собесѣдникъ, а также проводили вмѣстѣ и вечера, и тогда Агнеса часто по цѣлымъ часамъ играла намъ, очевидно, съ цѣлью уклониться отъ обстоятельныхъ, сколько-нибудь интимныхъ разговоровъ.

Знаете вы сонаты Бетховена? да? Ну, значить, вамъ известна могучая, стихійная сила его музыки, благотворное дѣйствіе этого искренняго изліянія сердца цѣломудреннаго, набожнаго, печатью божественной благодати отмѣченнаго художника. Моя жена,—могу сказать это безъ преувеличенія,—исполняла эти сонаты съ увлекательнымъ мастерствомъ; она сама проникалась ихъ содержаніемъ и умѣла передать чувства композитора то съ восторженнымъ благоговѣніемъ, то съ порывистою страстностью.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ,—помню, полная луна обливала залу своимъ кроткимъ, къ мечтамъ располагающимъ свѣтомъ, и я велѣлъ горничной унести лампу,—попросилъ я Агнесу сыграть Cis-moll-сонату „quasi fantasia“. Я сѣлъ на

диванъ, откуда мнѣ видна была ея голова какъ разъ въ рамкѣ пюпитра, на которомъ теперь не было никакихъ нотъ.

Штурцбахъ, прежде обыкновенно перевортывавшій нотные листы, и теперь по привычкѣ сталъ возлѣ нея. Я въ этомъ не видѣлъ ничего особеннаго и весь погрузился въ слушаніе чуднаго *adagio*, въ которое безсмертный композиторъ вдохнулъ весь пылъ своей страсти къ графинѣ Юліи Гвиччарди, не отвѣтившей ему взаимностью. Таинственный жалобный тонъ этой за сердце хватающей пѣсни отверженія, глубокіе сердечные стоны, выражаемые въ ней характерными звуками нотъ, потрясли меня въ этотъ вечеръ съ такою силою, какой я до сихъ поръ никогда не испытывалъ. Мое настроеніе становилось все грустнѣе и грустнѣе; тоскливые, мрачные, какъ ночь, звуки элегіи погасили всѣ мои надежды на жизненное счастье. Я чувствовалъ припадки мучительнаго раскаянія и отчаянной злобы: вѣдь и я отвергъ любовь, съ тою только разницею отъ великаго композитора, что мнѣ стоило только протянуть руку, чтобы срывать розы вышшаго земного счастья. Въ глазахъ у меня выступали горячія слезы, и я едва не вскрикнулъ въ дикой злобѣ на самого себя.

Въ этотъ моментъ модуляція перешла въ мажорный тонъ; изъ глубоко-томныхъ звуковъ какъ бы блеснулъ лучъ надежды. Авторъ будто не хочетъ поддаться своей скорби безъ борьбы, онъ старается ободрить себя, онъ поднимаетъ голову изъ волнъ скорби, и вдругъ онъ издаетъ одинъ единственный радостный звукъ, одинъ волшебнo-могучій тонъ, подобный лучу свѣта, освѣщающему тьму,—и мы теперь знаемъ, что спасеніе еще какъ-нибудь возможно. Но опять надвигаются на пловца морскія волны, и кажется, что теперь онъ погибнетъ. И я, всею душою воспринимавшій жалобные аккорды, тоже чувствовалъ, что послѣднія силы оставили меня, и, сокрушен-

ный, подавленный, уничтоженный, прижался я въ уголъ дивана подъ уныло-скорбные звуки фінала.

Въ комнатѣ водворилась мертвая тишина. Луна освѣщала ее своимъ волшебнымъ свѣтомъ; я видѣлъ голову жены, окруженную свѣтлымъ сіяніемъ, наподобіе того, какъ рисуютъ святыхъ, а возлѣ нея стояла высокая темная фигура Штурцбаха, огненно-красные волосы котораго, казалось, испускали фосфорическій свѣтъ. Никто изъ насъ не шевелился: Агнеса и мы собирались съ силами, готовясь къ *allegretto*.

Вотъ началась похожая на менуэтъ интермедія. Въ мою разбитую душу полились мягкіе, ласкающіе звуки... И мнѣ живо представились милыя сцены первой поры моей любви. Я видѣлъ свою жену молоденькою бойкою дѣвушкой, какъ она въ первый разъ въ Зоологическомъ саду обратилась ко мнѣ полулукаво, полудовѣрчиво съ словами: „господинъ докторъ“. Я видѣлъ ее далѣе невѣстою, какъ она однажды, съ высокосасученными рукавами вышедши изъ прачечной, сверхъ ожиданія увидѣла меня и радостно бросилась мнѣ на шею; опять почувствовалъ я ея объятія, и по моему тѣлу пробѣжала дрожь отъ страха и тайнаго страстнаго желанія. Безумецъ, не пренебрегъ ли я тѣмъ, чему, вѣроятно, и теперь завидовали бы тысячи здраво мыслящихъ и здраво чувствующихъ мужчинъ? не воздержался ли я отъ того, что могло сдѣлать ее, это милое, цвѣтущее созданіе, моею дѣйствительною женою и что повело бы къ исполненію ея пламеннѣйшаго желанія—имѣть живой залогъ нашей любви?

Но что я тамъ вижу? Вѣдь Штурцбахъ вотъ сейчасъ по окончаніи *allegretto* сдѣлалъ украдкой какое-то движеніе рукой, какъ бы съ цѣлю перевернуть ноты? или я ошибся? Рояль почти скрывалъ отъ меня лица обоихъ, — я видѣлъ только голову жены и стоящаго возлѣ нея, въ тѣни отъ простѣнка, Штурцбаха. Мнѣ казалось, она слегка покачала от-

рицательно головой, а онъ опять сдѣлалъ движеніе рукою. Что? онъ пожалъ ей тихонько руку? или сунулъ ей что-то украдкой? Я хотѣлъ было встать и подойти поближе; но сейчасъ же устыдился своего недовѣрія и остался прикованъ на мѣстѣ. „Конечно,—думалъ я,—это обманъ чувствъ при такомъ сильно возбужденномъ состояніи души подѣ влияніемъ прослушанной музыки“. Агнеса опять сидѣла неподвижно передъ роялемъ и, казалось, собиралась съ силами передъ *presto*. Да и какъ я могъ хоть на минуту усомниться въ ней, когда она къ музыкѣ относилась, какъ къ божественной службѣ? А предъ лицомъ Божиимъ не лгутъ и не обманываютъ; это только я, несчастный, оскверняю торжественность этой божественной службы гнуснымъ подозрѣніемъ.

Такъ я и остался въ своемъ углу на диванѣ, чтобы съ полнымъ вниманіемъ вслушаться въ ту бурю, какую должно было произвести въ душѣ только что начавшееся *presto agitato*. Вы знаете эту послѣднюю часть сонаты? Ну, въ такомъ случаѣ вы не удивитесь, что на этотъ разъ она, какъ ураганъ, разрушила всѣ мои принципы, стоявшіе мнѣ столько мучительнаго труда. Это была страшно болѣзненная, но въ то же время и спасительная операція, такъ какъ она привела меня къ ясному пониманію вещей,—и эта операція произведена была у меня, упорнаго слѣпца, острымъ ножомъ этой дикой и бурной гармоніи. Я вдругъ прозрѣлъ, какъ бы по какому-то волшебству. Я понялъ свое гнусное преступленіе, которое я, пошлый, жалкій глупецъ, совершалъ до сихъ поръ по отношенію къ величественной, цѣлесообразной природѣ. Казалось, всѣ вѣдьмы и бѣсы, поднимавшіеся изъ волшебнаго котла этихъ клопочущихъ модуляцій, скалили на меня зубы и злорадно насмѣхались надъ моимъ самоубійственнымъ аскетизмомъ: и я, пожалуй, не вынесъ бы этой нравственной пытки, этого полного приниженія моей надутой гордости; я, вѣроятно, вскочилъ бы съ мѣста и дрожащими отъ ярости ру-

ками схватилъ бы этого человѣка, стоявшаго рядомъ съ женою, который всегда поддерживалъ меня въ моемъ заблужденіи, если бы не начался второй главный мотивъ *presto* и не смирилъ, подобно маслу, бурнаго волненія моей души. Я напряженно вслушивался, какъ слушаетъ низверженный въ адъ, когда свѣтлый ангелъ возвѣщаетъ ему спасеніе; и когда слышался душу облегчающій юморъ безподобнаго мѣста въ *A-dur'f*, я почувствовалъ благодатную увѣренность, что отъ моей только воли зависѣло порвать навсегда съ глупымъ прошлымъ и начать съ любимою женою новую, согласную съ природою, Богомъ благословенную, дѣйствительно супружескую жизнь. И, когда смолкли бурные звуки этого *presto* и во мнѣ совершилось то нравственное очищеніе, какое производитъ всякое произведеніе истиннаго искусства, я поспѣшилъ къ роялю, обвилъ рукою шею Агнесы, наклонился и сердечно поцѣловалъ ее въ губы въ присутствіи, конечно, озадаченнаго этимъ друга дома.

— Ты мастерски сыграла это, моя милая! Спасибо, тысячу разъ спасибо!

Она, казалось, такъ была поражена моимъ необычнымъ поведеніемъ и горячею благодарностью, что не нашла ни одного слова въ отвѣтъ; она только взглянула на меня своими блестящими отъ счастья и радости глазами.

— Уже поздно, — сказалъ Штурцбахъ, которому, разумѣется, стало неловко быть свидѣтелемъ моей нѣжности: — позвольте мнѣ, сударыня, уйти. И во снѣ я буду еще испытывать высокое наслажденіе, которое вы доставили намъ сегодня.

Она, казалось, не слышала его словъ и разсѣянно попрощалась съ нимъ легкимъ поклономъ.

Онъ вышелъ въ сосѣдную комнату, взялъ приготовленную для него свѣчу и отправился черезъ коридоръ и далѣе по лѣстницѣ въ свою комнату въ третьемъ этажѣ.

Меня удивила однако странная холодность, съ какою проводила его Агнеса. Было ли это притворство? можетъ быть, подъ этою холодностью скрывалась горячая страсть? твердое, неизмѣнное согласіе?

Я увелъ Агнесу въ свою комнату, гдѣ горѣла лампа и испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ ей въ глаза. Она выдержала мой инквизиторскій взглядъ безъ всякаго замѣшательства. Нѣтъ, эти невинные, свѣтлые голубые глаза не могли лгать; они выражали теперь только пріятное удивленіе и робкое предчувствіе приближающагося счастья. Опять я наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ сахарныя уста, которыхъ я до сихъ поръ избѣгалъ, какъ отравленнаго кубка. На этотъ разъ и она нѣжно отвѣтила на мой поцѣлуй легкимъ сжатіемъ своихъ губъ. Бурное пламя страсти разлилось по моимъ жиламъ, у меня закружилась голова отъ упоенія восторгомъ. О, глупецъ я! какого блаженства лишалъ я себя! Я увлекъ ее къ софѣ, сѣлъ рядомъ съ нею и склонилъ свою голову на ея грудь, боясь посмотрѣть ей прямо въ лицо.

— Агнеса! можешь ли ты простить мнѣ?

— Въ чемъ же я должна простить тебѣ, мой милый?

— Я до сихъ поръ такъ оскорбительно пренебрегалъ тобою.

Вмѣсто отвѣта она поцѣловала меня въ голову и этою нѣжною ласкою, казалось, хотѣла сказать, что въ настоящую минуту она вполнѣ счастлива, что совсѣмъ забыла о прошломъ.

— Ты молчишь, милая?—спросилъ я, теперь смѣлѣе поднявъ голову и глядя ей прямо въ глаза.

— Мнѣ не въ чемъ тебѣ прощать, Оскаръ. Теперь ты такъ ласковъ со мною; прошу тебя, будь всегда такимъ, я такъ нуждаюсь въ любви...

— И я этого, слѣпецъ, такъ долго не замѣчалъ! Но не

подумай, Агнеса, что это было легко для меня; я велъ тяжелую, не по силамъ человѣческимъ тяжелую борьбу съ собою, противъ тебя, противъ твоихъ прелестей, противъ чарующаго вліянія твоей цвѣтущей красоты. Видишь ли, хотѣлъ я быть святымъ; я не хотѣлъ подвергать тебя опасности быть матерью, такъ какъ женщина, давая жизнь ребенку, рискуетъ при этомъ своею собственною.

— Ахъ, Оскаръ!—и она обѣими руками обвила мою шею, стыдливо пряча свое лицо на моей груди,—я не желаю ничего лучшаго; я каждую минуту съ радостью готова для тебя пожертвовать жизнью. Какъ бы я была рада дать тебѣ доказательство моей преданности и самоотверженія! Я желаю быть твоею, только твоею и тѣломъ, и душою; и если нужно для этого пожертвовать своею жизнью, я согласна на все, лишь бы я знала, что ты любишь меня до послѣдняго вздоха.

Такъ говорила моя чистая, цѣломудренная жена, стыдливо краснѣя при каждомъ своемъ словѣ; ея горячее дыханіе было свято, какъ дыханіе чистой любви. О, теперь я понялъ, что Позднышевъ просто глупый фантазеръ. Его ученіе о братскихъ отношеніяхъ мужа къ женѣ—грубый мужичій вздоръ. Могъ не замѣтить этого только какой-нибудь богопротивный упрямецъ или порвавшій всѣ связи съ свѣтомъ и въ своей надменной глупости живымъ лѣзущій на небо фантастикъ-анахоретъ.

И для сердца самаго закоренѣлаго эгоиста бываютъ минуты, когда въ огненномъ потокѣ пробудившагося естественнаго чувства расплавляется въ немъ все черствое, и, выдѣлившись изъ горячаго сплава, заблеститъ своимъ волшебнымъ блескомъ истинная, безусловная любовь. И для меня теперь настали эти минуты; я зналъ, что если это существо, покоившееся на моей груди и желавшее принадлежать одному только мнѣ, станетъ моею дѣйствительною женою, то я не только испытаю высшее земное блаженство, но исполню и долгъ самоотверже-

нія, ибо благородный, разумный мужъ, вполне сознающій свои нравственныя обязанности, никогда не унижить свою жену до простого средства для удовлетворенія чувственности: онъ знаетъ, что таинство брака налагаетъ на него страшную отвѣтственность, что онъ долженъ принести себя въ жертву новому существу, которое можетъ произойти отъ этого брака, какъ любвеобильный, самоотверженный воспитатель, совѣтникъ и покровитель. Это чувствуетъ и каждая истинная жена; она отдается мужу, принимая тѣмъ на себя всѣ материнскія обязанности; она облагораживаетъ эту естественную преданность тою жертвою, которую она приносить, а приносить она всю себя. Кто вступаетъ въ бракъ, тотъ посвящаетъ себя и жену дѣлу, въ высшей степени отвѣтственному передъ человѣчествомъ — образованію новыхъ поколѣній.

Подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій я сталъ совсѣмъ новымъ человѣкомъ. Я прижалъ Агнесу къ своей груди и почти торжественно сказалъ ей:

— Ты должна быть моею тѣломъ и душою... отнынѣ все будетъ иначе между нами, моя дорогая, моя вѣрная супруга!

Она задрожала отъ испуга и счастья и крѣпко прильнула ко мнѣ. Въ это время нечаянно я задѣлъ рукою за что-то жесткое въ ея карманѣ, зашуршавшее наподобіе бумаги.

— Что это у тебя тамъ?—спросилъ я, ничего не подозревая.

— Ахъ, Оскаръ,—говоритъ она, запинаясь отъ смущенія,—я не успѣла сказать тебѣ; я все медлила, боялась, какъ бы не поселить вражды между вами и въ концѣ не подвергнуть тебя опасности.

Она остановилась. Въ моей душѣ мелькнуло страшное подозрѣніе. Неужели то, что я будто замѣтилъ у рояля, не былъ обманъ чувствъ, а ужасная дѣйствительность?

— Ты отъ меня что-то скрываешь!—сердито закричалъ я. — Покажи!

Я сунулъ руку въ карманъ и вынулъ еще не распечатан-

ную записочку. Она не сдѣлала никакой попытки взять ее у меня назадъ; напротивъ, спокойно предложила прочесть ее:

— Посмотри самъ, что онъ мнѣ пишетъ. Онъ хотѣлъ положить ее на рояль, но я не взяла ея, покачавъ съ негодованіемъ головой. Только когда онъ сунулъ ее мнѣ въ руку, я взяла и спрятала ее изъ боязни, что ты могъ бы замѣтить это, если бы я продолжала ему отказывать, и въ концѣ несправедливо обвинить меня... Вѣрь мнѣ, я не подала ему къ этому никакого повода.

Дрожащими руками разорвалъ я конвертъ безъ адреса и увидѣлъ записочку на плотной бумагѣ. У меня потемнѣло въ глазахъ: еще не читая записки, я былъ увѣренъ, что узнаю нѣчто ужасное, неожиданное, какъ громъ при ясномъ небѣ.

Я такъ часто перечитывалъ эту записку, что знаю ее наизусть: „Дорогая, обожаемая женщина!“ такъ писалъ лукавый другъ дома къ женѣ хозяина: „черезъ нѣсколько дней я уѣзжаю и, можетъ быть, никогда не увижусь съ Вами. Молю Васъ, исполните просьбу разлучающагося съ Вами, его послѣднюю просьбу: придите сегодня ночью ко мнѣ на верхъ только на одно мимолетное мгновеніе. Я даю Вамъ честное слово, что не злоупотреблю Вашимъ довѣріемъ; моя дверь не будетъ заперта. Оскаръ изъ глупой ревности никогда не оставляетъ насъ однихъ, и я не вижу другого средства хоть передъ разлукою повѣрить Вамъ то, что лежитъ у меня на сердцѣ. А это съ высшей степени важно для насъ обоихъ, рѣшаетъ всю нашу будущность, наше счастье или несчастье. Я долженъ поговорить съ Вами безъ свидѣтелей. Вѣчно Вашъ искренній, Васъ, какъ святую, почитающій другъ и покорный слуга *Ит.*“

Вотъ что осмѣлилось писать моей женѣ это вѣроломное чудовище! Въ глазахъ у меня замелькали красные круги, какъ фейерверочныя огненные колеса; куда я ни смотрѣлъ,

вездѣ видѣлъ только кровь, цѣлое море волнующейся и кипящей крови.

Я издалъ какой-то дикій, нечеловѣческій звукъ и бросился къ своему письменному столу. Тамъ лежалъ складной остро-конечный ножъ, наподобіе кинжала. Я схватилъ его безъ всякой цѣли, потому лишь, что онъ попался мнѣ на глаза. Я держалъ его въ лѣвой рукѣ, потому что правой искалъ коробку со спичками, которая лежала тоже на столѣ возлѣ подсвѣчника съ восковой свѣчой.

Я зажегъ свѣчу и чувствовалъ, что моя рука становилась все тверже, покойнѣе; прежняя ярость и умопомраченіе уступили мѣсто вызывающему хладнокровію и ясному сознанию, что теперь должно совершиться нѣчто рѣшительное, роковое.

Съ зажженной свѣчою въ лѣвой рукѣ, съ ножомъ и запиской въ правой, я твердыми шагами вышелъ изъ своей комнаты въ коридоръ.

— Ради Бога, Оскаръ! что ты хочешь дѣлать?

Эти тревожныя слова жены напомнили мнѣ о ея присутствіи, о которомъ я забылъ совсѣмъ.

— Только на пару словъ съ этимъ негодяемъ, которому мы оказали гостепріимство, а онъ такъ отплатилъ за это...

Я подаль ей записку, не выпуская изъ рукъ ножа. Она пробѣжала эти строки, и лицо ея покрылось краской негодованія.

— Это возмутительно!

— Я думаю...—отвѣтилъ я, скрежеща зубами, и былъ уже въ коридорѣ.

— Оскаръ, смотри не увлекайся, заклинаю тебя! — умоляла она. Я воротился, чтобы взять письмо негодяя, потомъ пошелъ по коридору, заперъ за собою дверь на ключъ и изъ парадныхъ сѣней началъ медленно, ровными шагами подниматься по лѣстницѣ.

Во второмъ этажѣ жили Брауны, которыхъ я боялся по-

безпокоить, потому что былъ уже двѣнадцатый часъ, и они, навѣрно, уже спали.

На цыпочкахъ прокрался я мимо стеклянной двери, ведущей въ коридоръ Брауновъ. За дверью была глубокая тишина... впрочемъ, нѣтъ: теперь я услышалъ отдаленный, подавленный плачь ребенка... это, вѣроятно, не могъ уснуть маленькій Билль: его уже давно мучила зубная боль.

Дошелъ я до лѣстницы въ третій этажъ и сталъ тихо подниматься по ступенькамъ. Меня такъ бѣсилъ лѣвый ботинокъ, предательски скрипѣвшій на ногѣ; но потомъ самъ же я удивился, зачѣмъ я сержусь: вѣдь у меня вовсе не было намѣренія застать врасплохъ того, къ кому я такъ осторожно подкрадывался. „Что теперь будетъ?“ спрашивалъ я себя, и никакъ не могъ себѣ отвѣтить. Но я чувствовалъ, что предстоитъ что-то страшное, ужасное, нѣчто такое, что, разъ случившись, уже не можетъ быть поправлено, забыто; что сейчасъ совершится событіе, которое навсегда, навѣки уничтожитъ блаженство любви и счастья, на которое я еще за минуту надѣялся.

Но я ничего не боялся, ничего не жалѣлъ; я всѣмъ существомъ стремился навстрѣчу этому невѣдомому событію и неудержимо, какъ бы гонимый рокомъ, шелъ по ступенькамъ на верхъ.

Прежде, бывало, если приходилось иногда заглянуть въ нашу комнату для гостей, я задыхался уже въ сѣняхъ второго этажа; а теперь — странное дѣло! — я не чувствовалъ одышки и никакой усталости, никакого стѣсненія въ груди, хотя я сознавалъ, что меня ждетъ нѣчто роковое.

Въ минуты сильнаго возбужденія мы мыслимъ съ поразительной быстротой, какъ будто валъ мыслительнаго аппарата дѣлаетъ тогда сто тысячъ оборотовъ въ секунду. Я помню, что уже передъ самой дверью въ комнату Штурцбаха я думалъ о Позднышевѣ и его нелѣпомъ мнѣніи, будто только

„падшій“ мужчина испытываетъ ревность... Онъ трижды дуракъ! Вѣдь я былъ все еще женихомъ, братомъ своей жены, а меня снѣдала ревность, и она терзала меня своими ядовитыми зубами гораздо свирѣпѣе, чѣмъ негодованіе на безстыдную дерзость вѣроломнаго автора записки. Нѣтъ, Толстой, этотъ русскій преобразователь нравовъ, своею книгою заведшій меня въ трясинное болото, вовсе не избранный мыслитель.

И развѣ моя ревность была ужъ такъ безосновательна? Не просила ли меня недавно передъ этимъ Агнеса защитить ее отъ демоническаго вліянія нашего обольстительнаго гостя? Значить, она его боялась. Вотъ меня же она не боялась, потому что я самъ всегда оказывалъ передъ нею страхъ, избѣгалъ ея, робко, боязливо отступалъ передъ ея чарующими прелестями, чтобы не увлечься ими. Но жена,—думалъ я,—которая перестаетъ бояться своего мужа, вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваетъ и вѣрность къ нему и способна измѣнить ему, коль скоро явится истинный возбудитель страха, соблазнительно-властно добивающійся любви.

Когда я тихо, мизинцемъ лѣвой руки постучалъ уже въ дверь, я съ быстротою молніи вспомнилъ еще одно положеніе Нитцше, съ Икаровскими полетами котораго за предѣлы добра и зла я, конечно, тоже познакомился: „истинный философъ долженъ быть богатыремъ и могучимъ творцомъ и руководителемъ культуры, ein cäsarischer Züchter und Gewaltmensch der Kultur“. Мнѣ казалось, что Нитцше только въ одномъ этомъ случаѣ и сказалъ правду. Значить, тотъ русскій реформаторъ, радѣющій объ улучшеніи міра, вовсе не философъ, а какой-то безсильный, слабый человѣкъ, осмѣлившійся предложить съ такою смѣшною торжественностью людямъ, полнымъ юношескихъ силъ, отречься отъ ихъ законнаго права—производить и воспитывать новыхъ людей.

Всѣ эти мысли и представленія мелькали въ моемъ умѣ

съ страшною быстротою. А между тѣмъ чуткимъ ухомъ я прислушивался, какой будетъ отвѣтъ на мой осторожный стукъ... И дѣйствительно, плутъ былъ введенъ въ заблужденіе и сладко прошепталъ:

— Это вы?

Я чуть-чуть приоткрылъ дверь, не больше, какъ на палецъ, самъ еще не показываясь; изнутри послышался голосъ, нѣжный, какъ воркованіе голубя, съ оттѣнкомъ робкаго упрека:

— Но зачѣмъ же со свѣчою?

— Чтобы посвѣтить тебѣ прямо въ лицо, мерзавецъ!— крикнулъ я и сталъ передъ нимъ, какъ Немезида.

Онъ въ ужасѣ отскочилъ назадъ.

Х.

Я поставилъ свѣчу на умывальникъ, стоявшій у самой двери, и взялъ ножъ въ правую руку. Лѣвой я поднесъ ему къ самому носу письмо.

— Вотъ что дала мнѣ жена, негодяй! Узнаешь это?

Я твердо сжалъ рукоятку ножа; я вовсе не имѣлъ намѣренія пустить его въ дѣло; я только чувствовалъ необходимость принять грозный, подавляющій видъ.

Лобъ у него сморщился, и широко раскрытые глаза уставились на письмо; лицо его сначала поблѣднѣло, а потомъ мгновенно покраснѣло. Но онъ быстро оправился и заговорилъ спокойнымъ, почти дѣловымъ тономъ.

— Мучительное для насъ обоихъ положеніе... я думаю, мы должны постараться выйти изъ него какъ можно скорѣе. Что я сдѣлалъ, того не могу отрицать при наличности этой записки. Зачѣмъ это я сдѣлалъ?.. Ну, при случаѣ вѣдь люди мѣняютъ свои убѣжденія, если представляется новая цѣль, которая покажется заманчивѣе упорнаго послѣдованія какой-

нибудь поколебленной теоріи. Назовете ли вы это бесчестнымъ или нѣтъ,—мнѣ все равно; непріятно, конечно, когда объ этомъ заговаряютъ, но я давно оставилъ дурную привычку сообразоваться съ мнѣніемъ другихъ. Въ одномъ только вы можете упрекнуть меня: я ложно понялъ даму, которой адресовалъ эти строки; за это неумѣнье познавать людей и должно послѣдовать наказаніе, и хочу понести его сейчасъ же, оставивъ вашъ гостепріимный домъ.

Онъ хотѣлъ направиться къ вѣшалкѣ, на которой висѣли его шляпа и пальто, и, какъ кажется, въ самомъ дѣлѣ уйти.

— Стой! — крикнулъ я ему повелительно: — вы такъ не уйдете отъ меня! Я требую сначала удовлетворенія за измѣну, которую вы совершили, за оскорбленіе, которое вы нанесли!

Я подступилъ къ нему, пожирая его искрящимися отъ гнѣва глазами.

Онъ хладнокровно посмотрѣлъ на меня.

— Чего вы хотите? Я не оскорблялъ ни васъ, ни вашей жены...

— Какъ?!—прервалъ я его:—вы злоупотребили моимъ довѣріемъ; вы поддерживали меня въ моей глупости, чтобы за моей спиной полакомиться сладкимъ плодомъ, хотя сами дѣлали видъ, что со страхомъ избѣгаете его, какъ пагубы. Вы плутъ и лицемеръ! Вы пошлякъ, негодяй 96 пробы, своими преступными планами нарушившій миръ моего дома. Вы должны дать за это удовлетвореніе своею кровью, своею жизнью.

— Пожалуйста, говорите... не такъ громко!—напомнилъ онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ; онъ казался безчувственнымъ, какъ камень, и оскорбительныя слова для него были, какъ горохъ объ стѣну.—Если вы желаете комической дуэли, я къ вашимъ услугамъ; я не боюсь смерти, жизнь мнѣ не такъ дорога, какъ вамъ: теперь вы, кажется, какъ влюб-

ленный пастухъ, совсѣмъ хотите предаться низкимъ наслажденіямъ любви. Я всегда былъ того убѣжденія, что дуэль скорѣе вредитъ доброму имени жены, чѣмъ поддерживаетъ его; до сихъ поръ репутація вашей жены еще незапятнана; а хотите отдать ее на поруганіе на столбцахъ берлинскихъ газетъ,—берите это на свою отвѣтственность.

— Ну, такъ вы дадите мнѣ удовлетвореніе сейчасъ же, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей, чтобы никто не зналъ, что произошло между нами.

Я не помнилъ себя отъ ярости; его равнодушіе, почти насмѣшливый тонъ его рѣчи разгорячили меня до бѣшенства.

Онъ сейчасъ же замѣтилъ это по выраженію моего лица; онъ посмотрѣлъ кругомъ въ комнатѣ, какъ бы ища чего-то, и сказалъ тономъ вѣжливаго сожалѣнія:

— Но вѣдь у насъ здѣсь нѣтъ никакого оружія... назначьте на завтра время и мѣсто рано утромъ; я явлюсь аккуратно.

Опять въ его словахъ чувствовалась тонкая насмѣшка. Я утратилъ послѣдній остатокъ самообладанія. Еще во время нашего объясненія я сунулъ роковое письмо въ боковой карманъ; теперь съ быстротой молніи взялъ я ножъ въ лѣвую руку и, широко замахнувшись свободною правою, ударилъ его, что было силы, въ щеку.

— Вотъ, на жъ тебѣ, подлецъ!

Онъ пошатнулся назадъ, потомъ, дико вскрикнувъ, бросился на меня и хотѣлъ схватить меня за руки.

— Если вы прибѣгаете къ грубому насилію,—проговорилъ онъ во время борьбы задыхающимся голосомъ:—то я сумѣю еще постоять за себя.

Мнѣ удалось взять ножъ опять въ правую руку. Ловкимъ движеніемъ я вырвался изъ его рукъ, и, направивъ конецъ ножа прямо ему въ сердце, быстро устремился опять впередъ.

Тотъ успѣлъ прикрыть грудь лѣвой рукой, чѣмъ и отклонилъ ударъ ножа къ верху: я пронзилъ ему шею съ лѣвой стороны.

Я видѣлъ, какъ текла у него кровь по бѣлому воротнику сорочки и по свѣтлому пикейному жилету.

— Я убить!—простоналъ онъ и опустился на кресло.

— Ради Бога, Оскаръ! что ты сдѣлалъ?—раздался голосъ позади меня.

Я оглянулся и увидѣлъ жену, которая, окаменѣвъ отъ страха, стояла на порогѣ съ зажженною свѣчою въ рукѣ.

— Теперь онъ больше не будетъ писать тебѣ писемъ,—возразилъ я съ притворнымъ самодовольствомъ и указалъ на кресло, на которомъ раненый прижималъ къ шеѣ своей носовой платокъ, весь уже смоченный кровью.

— Онъ убилъ меня!—жалобно простоналъ онъ. — Помогите, помогите!

Этотъ призывъ къ человѣколюбію заставилъ очнуться оцѣпенѣвшую жену.

Она бросилась къ умывальнику, намочила полотенце холодной водой и принялась ухаживать за раненымъ. Я видѣлъ, какъ она наклонилась къ нему, какъ ему было пріятно ея осторожное прикосновеніе къ нему, и въ моей душѣ снова зашевелился демонъ недовѣрія къ ней. „А что, если они уже давно втайнѣ сблизились? Можетъ быть, она уже давно исполняла то, о чемъ онъ просилъ ее въ письмѣ будто въ первый разъ?“ Мою душу терзало дикое сожалѣніе: отчего не пырнулъ я его лучше? ужъ слишкомъ медленно онъ умиралъ,—и для меня было крайне непріятно, что жена ухаживаетъ за нимъ въ послѣднія минуты его жизни.

Я подошелъ къ Агнесѣ, которая стояла передъ нимъ на колѣняхъ, дотронулся рукой до ея плеча и сказалъ повелительно:

— Оставь его! онъ въ тебѣ больше не нуждается!

Она повернула ко мнѣ свое лицо и строго упрекнула меня

взглядомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ глубочайшую скорбь и мучительную заботу жены о попавшемъ въ бѣду мужѣ. Осторожно приложила она еще разъ холодный компрессъ къ шеѣ стонавшаго, потомъ поднялась и обвила меня обѣими руками, какъ бы желая защитить меня.

— Бѣдный ты, бѣдный человѣкъ!—Она поцѣловала меня въ щеку. Потомъ заговорила торопливо, въ лихорадочномъ страхѣ:—Ты долженъ скрыться, Оскаръ; тебѣ нельзя здѣсь оставаться. Боже мой, но куда же? Постои, придумала! Ты еще успѣешь на часовой поѣздъ въ Потсдамъ... возьми съ собой всѣ деньги, какія у насъ есть; въ Потсдамѣ остановись въ гостиницѣ, гдѣ тебя не знаютъ... а завтра рано утромъ, сдѣлавъ все необходимое, я приѣду къ тебѣ... жди меня на вокзалѣ между 10 и 11... тогда мы условимся, какъ намъ безопаснѣе уѣхать за границу. Но торопись же! Тебѣ нельзя терять ни минуты! Вѣдь если онъ умретъ, и тебя найдутъ здѣсь, милосердный Боже, ты тогда погубишь!..

Она говорила это прерывистымъ, задыхающимся голосомъ; я чувствовалъ, что она вся дрожала; она насильно толкала меня къ двери.

Когда я, слѣдуя ея совѣту, переступилъ черезъ порогъ, я натолкнулся на г-жу Браунъ; ее разбудилъ шумъ, и она поднималась на верхъ, посмотреть, что такое случилось.

— Ахъ, Боже мой! г-жа Браунъ!—жаловалась Агнеса подавленнымъ голосомъ и съ возможнымъ для женщинъ самообладаніемъ.—Какое несчастье! Г. Штурцбахъ тяжело раненъ въ шею, и мы никакъ не можемъ понять, какъ это случилось. Ужъ не самъ ли онъ наложилъ на себя руки.... пожалуйста, прошу Васъ, поскорѣе къ намъ сюда какого-нибудь доктора! Мужъ, къ сожалѣнію, долженъ отлучиться.... настоятельная поѣздка... такъ несчастливо все это случилось...

— Я сейчасъ же побѣгу сама,—громко заговорила непотерявшаяся женщина.—Боже мой, это ужасно! Противъ насъ

живетъ докторъ Линкъ... вѣроятно, онъ дома: я сейчасъ приведу его.—И она уже бѣжала по лѣстницѣ мимо меня, такъ что не успѣлъ я дойти до двери въ свою комнату, какъ она была уже въ парадныхъ сѣняхъ.

Во мнѣ начало пробуждаться глухое раскаяніе въ моемъ поступкѣ; исчезло чувство самоудовлетворенія: напрасно силился я доказать себѣ, что поступилъ справедливо.

Торопливо отомкнулъ я желѣзную кассетку въ письменномъ столѣ, вынулъ изъ нея всѣ деньги и другія цѣнности, какія были у насъ, и сунулъ въ карманъ. Потомъ захватилъ ключъ отъ дома, надѣлъ шляпу, накинулъ гавелокъ и направился къ выходу.

О, какъ жестоко насмѣхалась надо мною судьба! Я, укрывающійся бѣглый преступникъ, принужденъ былъ теперь тайкомъ прокрадываться изъ своего дома въ то время, когда я собрался было срывать первыя розы любви...

Осторожно, ощупью спустился я по ступенькамъ. Въ это время лѣстница освѣтилась сверху слабымъ свѣтомъ; прислонившись къ периламъ, я взглянулъ наверхъ и узналъ Агнесу, которая, со свѣчою въ рукѣ, боязливо всматривалась внизъ. Я хотѣлъ крикнуть ей что-нибудь, но будто кто-то сдавилъ мнѣ горло; съ трудомъ, подавленнымъ голосомъ могъ я произнести только краткое „прощай!“ Но это дошло до ея чуткаго уха, и я услышалъ какъ бы ангельскій голосъ: „помоги тебѣ Богъ!“

Больше ужъ я ничего не видѣлъ и не слышалъ. Когда я очутился на пустой улицѣ, слезы ручьемъ полились у меня по щекамъ: тяжело было мнѣ... какъ будто изгнали меня изъ рая.

„Ты убійца!“ Съ этою подавляющею мыслью, постоянно возникавшею въ моей душѣ, я занялъ мѣсто въ вагонѣ перваго класса. До сихъ поръ я никогда не ѣздилъ въ первомъ классѣ; на этотъ разъ я выбралъ его для того, чтобы по возможности

уединиться. Но я сильно ошибся. Вагонъ скоро наполнился молодыми офицерами, которые весело и развязно бесѣдовали о театрѣ и разныхъ общественныхъ кружкахъ, которые они посѣтили. Я притворился, будто сплю; я боялся показать глаза, такъ какъ думалъ, что въ нихъ всякій прочтетъ о совершенномъ мною преступленіи. Съ болѣзненнымъ напряженіемъ вслушивался я въ каждое слово ихъ беззаботной болтовни; хотя ужасное событіе свершилось всего часъ тому назадъ, однако я ждалъ каждое мгновеніе, что кто-нибудь изъ этихъ молодыхъ людей вотъ сейчасъ начнетъ рассказывать о новомъ убійствѣ.

Въ гостиницѣ, въ которой я остановился въ Потсдамѣ, меня не зналъ никто; меня приняли за туриста, пріѣхавшаго осмотрѣть королевскіе парки; я оставилъ прислугу въ этомъ предположеніи и приказалъ разбудить себя пораньше.

Заснулъ только передъ утромъ; всю ночь терзалъ меня непрестанно внутренній голосъ: „ты убійца!“ И я чувствовалъ, что сойду съ ума, если онъ не умолкнетъ. Я представлялъ себѣ бѣдную жену, какъ она хлопотала объ удаленіи трупа убитаго; онъ, конечно, ужъ умеръ; я, кажется, перерѣзалъ ему сонную артерію. Повѣрятъ ли ея баснѣ о самоубійствѣ нашего гостя? И какъ она отнеслась къ тому, что нѣтъ уже въ живыхъ человѣка, отъ соблазнительнаго вліянія котораго она когда-то робко просила защиты у меня на груди? Правда ли, что сама она не питала къ нему любви? Не подарила ли она его втайнѣ тѣмъ, чѣмъ я такъ презрительно пренебрегалъ при своемъ упорномъ пошломъ воздержаніи? И опять пробуждалось во мнѣ недовѣріе, опять поднимала съ шипѣніемъ свою голову змѣя ревности и пускала свой губительный ядъ въ рану, которую я нанесъ своей совѣсти убійствомъ.

Короткій сонъ не освѣжилъ меня нисколько. Я вскочилъ съ тяжелою свинцовою головою. Гдѣ я? Что такое случилось? Съ трудомъ опять я пришелъ въ себя, а внутренній голосъ

снова началъ шептать мнѣ безъ всякаго состраданія: „ты убійца! ты убійца!“

Да неужели же нельзя никакимъ способомъ заставить умолкнуть этотъ безпрестанно напоминающій голосъ? Я всталъ съ постели и началъ одѣваться; руки у меня дрожали. Къ терзаніямъ совѣсти присоединился теперь страхъ передъ земнымъ правосудіемъ. Кто-то шелъ по коридору. А что если это шаги приближающагося полицейскаго чиновника? Я чувствовалъ, какъ у меня замерло сердце, когда постучали въ дверь. На мое робкое приглашеніе „войдите!“ явился просто нумерной лакей съ пустымъ вопросомъ, буду ли я завтракать у себя или внизу, въ общей залѣ.

Я не устоялъ противъ этого мучительнаго страха. Проглотивши чуть не въ одинъ пріемъ чашку кофе и заплативши по счету, я оставилъ гостиницу и пошелъ бродить по улицамъ. Было еще только 8 часовъ. Я вошелъ въ одну цырюльню и приказалъ остричь себя такъ коротко, что послѣ едва узналъ самого себя. Потомъ пошелъ къ оптику, купилъ себѣ рінсе-пезъ съ самыми темными стеклами и надѣлъ вмѣсто своихъ очковъ въ золотой оправѣ; вообще я хотѣлъ по возможности измѣнить свою внѣшность, чтобы избѣжать ареста полиціи.

Послѣ долгаго блужданія пришелъ я около 10 часовъ на вокзалъ и ждалъ ближайшаго поѣзда изъ Берлина.

Наконецъ онъ пришелъ, но Агнесы не было.

Разочарованнымъ ушелъ я съ вокзала и началъ бродить безъ цѣли въ его окрестностяхъ. „Она пріѣдетъ съ слѣдующимъ поѣздомъ,—утѣшалъ я себя:—вѣроятно, ее задержала сдача квартиры и приготовленія къ неожиданной поѣздкѣ“.

Отправился я опять на вокзалъ. Черезъ полчаса пришелъ новый поѣздъ изъ Берлина, а жены опять не было.

Это меня уже встревожило. Не случилось ли съ ней чего непріятнаго? Не арестована ли она наконецъ? Не подозреваютъ ли ее въ сообществѣ при убійствѣ? И въ мучительной

неизвѣстности обдумывалъ я, что дѣлать. Телеграфировать я не могъ, изъ боязни открыть свое мѣстопробываніе, а возвратиться въ Берлинъ у меня тѣмъ болѣе не хватало мужества; нужно было оставаться на мѣстѣ, опять подвергая себя пыткѣ томительнаго ожиданія.

Я купилъ себѣ карманный путеводитель и являлся къ каждому поѣзду изъ Берлина. Агнесы все не было. Минуты этого ужаснаго дня казались мнѣ часами, часы—цѣлою вѣчностью. Воображеніе рисовало мнѣ страшныя возможности, и я проклиналъ свою судьбу за то, что, подобно прикованному Прометею, и я удерживался здѣсь непреодолимой силой обстоятельствъ, а коршунъ нетерпѣнія терзалъ и мои внутренности.

Уже начали обращать на меня вниманіе. Какой-то желѣзнодорожный чиновникъ спросилъ меня, не жду ли я кого-нибудь. Но я уже не тревожился больше за себя; мнѣ хотѣлось лишь опять увидѣть Агнесу, ко всему прочему я былъ совершенно равнодушенъ.

Повѣрите ли, что теперь, во время пытки томительнаго ожиданія я еще думалъ о плѣнительной прелести моей жены, что меня сожигало страстное желаніе ея поцѣлуя, ея ласки. И если ужъ мнѣ суждено погибнуть, то хотѣлось бы хоть разъ въ жизни назвать своею ту, которую я такъ постыдно обманывалъ, передъ которой такъ постыдно лгалъ о счастьѣ, о будущей жизни.

Наступилъ вечеръ; газовые фонари освѣтили своимъ дрожащимъ свѣтомъ періодически наполняющійся и снова пустѣющій вокзалъ. Ждать здѣсь до полуночи я уже не былъ въ состояніи; силы мои истощились, ноги отказывались служить. Я купилъ билетъ въ Берлинъ, чтобы съ слѣдующимъ же поѣздомъ вернуться на мѣсто своего преступленія.

Улицы западной части столицы, гдѣ была наша квартира, уже совершенно опустѣли, какъ бы вымерли; сырая холодная

ночь смѣнила свѣтлый осенній день. Робко прокрадывался я по направленію къ своему дому; я осматривался на всѣ стороны, не подкарауливаютъ ли меня, не слѣдятъ ли за мною тайкомъ. Но не видать было ничего подозрительнаго. Наконецъ подошелъ я къ дому и взглянулъ на окна своей квартиры. Странное дѣло! въ моей комнатѣ былъ еще свѣтъ. Значить, жена дома. Но что же она дѣлаетъ въ такой поздній часъ? Невозможно, чтобы у нея были еще гости.

Я вынулъ ключъ отъ дома, отперъ наружную дверь и осторожно, безъ шума поднялся по темной лѣстницѣ. Дрожащей рукой нажалъ я пуговицу электрическаго звонка. А что, если я этимъ звонкомъ накликалъ на себя бѣду? Можетъ быть, тамъ внутри ждутъ меня сыщики, можетъ быть, тутъ засада, въ которую я такъ глупо попался...

Мнѣ открыла дверь горничная съ растрепаннымъ видомъ. Узнавъ меня, она воскликнула со вздохомъ облегченія:

— Славу Богу! Баринъ!

— А что такое у васъ?—спросилъ я, оторопѣвъ и предчувствуя что-то дурное:—гдѣ моя жена?

— Барыня... очень больна... только что ушелъ докторъ... тамъ госпожа Браунъ... она хочетъ на всю ночь остаться при баринѣ.

Я бросился черезъ коридоръ и освѣщенную столовую въ спальню жены.

— Агнеса!—вскрикнулъ я въ страхѣ и наклонился къ ея лицу.

Она вся горѣла въ лихорадкѣ. Она не узнала меня; кажется, она приняла меня за того... за другого, потому что быстро отвернулась отъ меня и простонала:

— Оставьте меня! Я не хочу этого... отдайте письмо моему мужу!

— И постоянно тотъ же бредъ!—замѣтила госпожа Браунъ.—Но успокойтесь, господинъ докторъ! Врачъ распоря-

дился обо всемъ, что для нея нужно. Я останусь при ней всю ночь. Если же къ утру не будетъ лучше, я приглашу сидѣлку. Не падайте духомъ, господинъ докторъ! Богъ милостивъ, Онъ поможетъ вашей милой супругѣ.

— Какъ это она такъ скоро заболѣла?—спросилъ я, потрясенный до глубины души.

— Вы уѣхали вчера ночью...

— Это была неотложная поѣздка... я и не предполагалъ...

— Знаю, знаю... иначе вы, разумѣется, остались бы здѣсь. Такъ только что вы ушли, я возвратилась съ врачомъ. Поднялись мы на верхъ и увидѣли на креслѣ Штурцбаха, истекавшаго кровью, а у его ногъ лежала, какъ мертвая, ваша милая супруга; она была въ глубокомъ обморокѣ... это ужасное дѣло подкосило ее. Пока врачъ занялся больнымъ, я при помощи обѣихъ нашихъ горничныхъ снесла ее въ постель. Когда она такъ черезъ часъ пришла въ себя, у нея обнаружилась горячка, и нынче весь день пролежала она въ бреду. Славу Богу, что вы возвратились; теперь опять все пойдетъ хорошо.

Я сидѣлъ у постели жены, держа въ своей ея горячую руку.

Проходили часы, но я не замѣчалъ этого. Я думалъ только о больной; я слѣдилъ за ея тяжелымъ дыханіемъ, за равномернымъ подниманіемъ и опусканіемъ ея груди. Ея милое личико на бѣлой дѣвичьей постели походило на розу въ снѣгу. Мною овладѣлъ какой-то дикій, корыстный страхъ за жизнь жены... я не уступлю ея никакой силѣ, даже смерти; я хочу одинъ владѣть ею, для себя; она моя по праву и передъ Богомъ... кто осмѣлится отнять ее у меня?

Проходили дни за днями, но я не замѣчалъ ихъ. Госпожа Браунъ, не смотря на заботы о своихъ четырехъ дѣтяхъ, съ трогательнымъ самоотверженіемъ ухаживавшая за Агнесою и мною, силою принуждала меня съѣдать хоть кусочекъ

чего-нибудь для поддержанія моихъ силъ при непрерывномъ бодрствованіи. Я ни на минуту не отлучался отъ постели жены; я не спускалъ съ нея глазъ, я все ждалъ хоть одного момента, когда она меня опять узнаетъ. По временамъ я останавливался, конечно, и на другой мысли, именно, мысли объ убитомъ. Что съ нимъ было дальше? Какъ онъ умеръ? Какъ его унесли отъ насъ и похоронили? Почему меня не преслѣдовали? Повѣрили ли баснѣ моей жены о покушеніи нашего гостя на самоубійство? Я могъ бы спросить госпожу Браунъ, но меня удерживалъ отъ этого неопределимый страхъ; я боялся заговорить объ этомъ происшествіи, такъ какъ былъ убѣжденъ, что поневолѣ выдамъ себя.

Я все время молчалъ, продолжая слѣдить за дыханіемъ и пульсомъ сгоравшей въ лихорадкѣ больной и стараясь увѣрить самого себя, что ей теперь лучше. Но ей не было лучше, а съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже; бредъ не прекращался ни на минуту; тѣло видимо таяло; возжелѣнный мигъ, когда она меня узнаетъ, не наступалъ; я долженъ былъ лишиться и этого, послѣдняго счастья.

Былъ пасмурный, дождливый осенній день, когда остановилось сердце обманутой терпѣливой страдальцы, и я едва осмѣлился своею рукою, рукою убійцы, закрыть глаза покойницѣ“.

Онъ сдѣлалъ паузу, и я видѣлъ, какъ двѣ крупныя слезы скатились у него съ рѣсницъ и упали ему на руки, сложенные на набалдашникѣ его палки.

— Не подумайте, что я плакалъ тогда,—продолжалъ онъ, оправившись; только голосъ его вдругъ упалъ и говорилъ онъ съ большимъ жаромъ.—Источникъ моихъ слезъ изсякъ подъ вліяніемъ сожигавшаго меня адскаго огня. Кто плачетъ въ горѣ, тотъ еще не погибъ; а я погибъ совсѣмъ. Машинально, какъ автоматъ, шелъ я за гробомъ на кладбище. Бросилъ въ могилу три полныя горсти земли, но не заплакалъ. Возвраща-

тился домой; когда вошелъ въ свою опустѣлую комнату и случайно увидѣлъ на столѣ у дивана женину перчатку, у меня судорожно стѣснилась грудь такъ сильно, что я чуть не задохнулся; но и теперь я не плакалъ.

„Ты дважды убійца! — сказалъ я себѣ съ неподкупною строгостью Судии:—ты убилъ гостя въ своемъ домѣ, и хотя онъ былъ негодный человѣкъ, все же твой поступокъ есть убійство; ты погубилъ свою жену, безсердечно обманувъ ее во всѣхъ надеждахъ ея пламеннаго, тоскующаго сердца!.. Чего жъ ты ждешь еще на землѣ? Иди и испей чашу до дна: пусти себѣ пулю въ лобъ!“

Я, въ самомъ дѣлѣ, началъ готовиться къ этому. У меня былъ револьверъ. Я досталъ его изъ письменнаго стола и зарядилъ всѣ пять камеръ. Но, еще заряжая, я уже колебался въ своемъ рѣшеніи. Какъ же я перейду въ ту область, откуда нѣтъ возврата, не сдѣлавши хоть какого-нибудь добраго дѣла, оставивъ по себѣ только убійство, кровь, неискупленное преступленіе? Нѣтъ, я хотѣлъ понести на землѣ всѣ послѣдствія моего злодѣянія и, разоблачивъ предъ обществомъ свою жизнь и заблужденія, тѣмъ самымъ посодѣйствовать благополучію по крайней мѣрѣ подрастающихъ поколѣній. Свѣтъ долженъ узнать, что испортило меня и погубило безнравственное общество. Извращенное въ самой основѣ воспитаніе, ложный стыдъ, прививаемый юношеству, намѣренное сокрытіе самыхъ естественныхъ вещей и отношеній,—вотъ что сбило меня съ толку, вотъ что способствовало принятію того проклятаго ученія. Я хотѣлъ самъ предстать предъ судомъ и публично повиниться во всемъ. Человѣкъ, который не признаетъ священной цѣли брака, который не понимаетъ, что дѣти—истинное благословеніе этого брака, потому что только при нихъ завершается нравственное воспитаніе людей, человѣкъ, нравственно до такой степени низко павшій, додумавшійся до того, что называетъ свою мать „падшею“ женщиной, вмѣсто того,

чтобы чтить ее, какъ святую, преимущественно предъ всѣми другими, — такой человѣкъ долженъ стать къ позорному столбу, чтобы его зналъ весь свѣтъ, чтобы всѣ остерегались его гнуснаго ученія.

Документальное объясненіе моего злодѣянія должно было убѣдить всѣхъ до очевидности, что мы прививаемъ юношеству ложный стыдъ и, держа ихъ въ невѣдѣніи насчетъ самыхъ естественныхъ и потому самыхъ невинныхъ вещей, сами же подстрекаемъ ихъ любопытство, наталкиваемъ на соблазны, приучаемъ ко лжи и гнуснѣйшей безнравственности. Истинный стыдъ заключается въ скромности и благопристойности мыслей, словъ и поступковъ при полномъ знаніи природы и ея богоблагословенныхъ требованій: ложный же стыдъ предполагаетъ незнаніе всего этого, потому и порождаетъ лицемеріе, ложь, притворство, а самыхъ лучшихъ приводитъ именно какъ разъ къ заблужденіямъ какого-нибудь Позднышева.

Не подумайте, что мое рѣшеніе предстать предъ судомъ вытекало изъ мысли порисоваться, выставиться, такъ какъ де нѣтъ такихъ людей, которые нуждаются въ охранѣ отъ богопротивнаго ученія какого-то Толстого. Толпа, ну, та, конечно, подниметъ на смѣхъ подобныя аскетическія бредни; но вѣдь есть честныя, благородныя, выдающіяся личности, серьезно относящіяся къ жизни, совѣсть которыхъ такъ легко смутить и которыя могутъ увлечься именно такимъ насильственнымъ, натянутымъ толкованіемъ Св. Писанія, какое видимъ у Позднышева, и тѣмъ легче, чѣмъ суровѣе, насильственнѣе требованія, предъявляемые этимъ толкованіемъ къ плоти и крови естественнаго человѣка. Вотъ этихъ-то честныхъ людей я и хотѣлъ предостеречь, ибо кто удержитъ отъ заблужденій сихъ „большихъ“ въ области духа, тотъ окажетъ услугу всему человѣчеству.

— И вы въ самомъ дѣлѣ предстали предъ судомъ?—пре-

рвалъ я его нетерпѣливо; его постоянныя уклоненія вывели-таки меня изъ терпѣнія: если бы я его не останавливалъ, я такъ бы и не узналъ конца его исторіи.

— Да, я самъ явился,—глухо отвѣтилъ онъ мнѣ.—Еще въ день похоронъ вечеромъ отправился я въ полицію и предложилъ арестовать себя, обвинивъ себя въ убійствѣ Штурцбаха.

— И васъ арестовали?

— Къ сожалѣнію, не надолго. Уже на другой день мнѣ объявили... Извините, милостивый государь,—прервалъ онъ самого себя:—вотъ и цѣль моей поѣздки.

Раздался свистокъ. Онъ вскочилъ съ мѣста и взялъ въ руки палку и зонтикъ. Поѣздъ сталъ. Кондукторъ назвалъ какую-то незнакомую мнѣ станцію. Уже стоя у открытой двери вагона, мой спутникъ оборотился и проговорилъ съ какою-то дикой злобой:

— Наше правосудіе такъ же растлѣно, какъ и наши нравы! Проникнись я словами Писанія: „дѣти суть даръ Божій“, я былъ бы избавленъ отъ многого, что вы уже знаете.

Онъ вылѣзъ изъ вагона, и я въ недоумѣніи смотрѣлъ ему вслѣдъ. Но еще одинъ мигъ, и я самъ тоже вышелъ, чтобы послѣдовать за нимъ. „Пусть поѣздъ уходитъ! я отправлюсь съ слѣдующимъ“. Мнѣ хотѣлось еще узнать, что случилось съ Штурцбахомъ.

На маленькомъ вокзалѣ было не много народу. Я опять замѣтилъ того просто одѣтаго мѣщанина, который бросился мнѣ въ глаза еще въ Потсдамѣ; онъ, казалось, тоже хотѣлъ идти вслѣдъ за моимъ таинственнымъ спутникомъ.

Догоняя его, я увидѣлъ, что онъ поклонился молодому изящно одѣтому господину, праздно стоявшему на платформѣ, который отвѣтилъ ему тоже вѣжливымъ поклономъ.

„Стойте!—подумалъ я:—этотъ господинъ навѣрно сообщитъ мнѣ свѣдѣнія о моемъ странномъ спутникѣ“.

Я подошелъ къ нему.

— Простите, милостивый государь! я проѣзжій и вотъ только что, въ пути, познакомился съ замѣчательнымъ субъектомъ.—Я указалъ на медленно шагавшаго по полотну желѣзной дороги доктора съ палкой и зонтикомъ въ рукахъ.—Знаете вы г-на доктора Штеттера?

— Да. Вамъ что-нибудь угодно знать о немъ?

— И да, и нѣтъ. Онъ разсказалъ мнѣ свою біографію, но конца ея я еще не знаю. Дѣйствительно ли на его совѣсти лежитъ убійство?

У незнакомца появилась мимолетная сострадательная улыбка, какъ бы подтверждавшая то, чего онъ ожидалъ. Онъ наклонился ко мнѣ и прошепталъ:

— Это больной человѣкъ; вы не во всемъ вѣрьте ему.

Я сразу догадался.

— Больной?—повторилъ я, тайкомъ указывая пальцемъ себѣ на лобъ.

На этотъ нѣмой вопросъ я не получилъ никакого опредѣленнаго отвѣта.

— Вы можете отвѣчать смѣло; передо мною вы не погрѣшите нескромностью: я врачъ и путешествую съ научною цѣлью, меня лишь интересуеетъ этотъ господинъ.

Теперь собесѣдникъ сдѣлался откровеннѣе.

— Я тоже врачъ, именно, одинъ изъ ассистентовъ при здѣшней лѣчебницѣ для нервно-больныхъ.

— Какъ называется это мѣстечко?

— Целлендорфъ.

— Целлендорфъ? Ахъ, да, припоминаю, я уже слышалъ о немъ. Такъ д-ръ Штеттеръ одинъ изъ вашихъ паціентовъ?

— Это очень интересный паціентъ. Я знаю исторію, которую онъ вамъ разсказалъ; онъ рассказываетъ ее всякому, то пожелаетъ его слушать, именно, когда онъ находится въ

возбужденномъ состояніи; въ періоды же угнетенія онъ сосредоточенно замыкается въ себя и не говоритъ ни слова. Оригинальный случай періодическаго умопомраченія.

— Значитъ, вся исторія—неправда? продуктъ разстроенной души?

На половину—правда, на половину—созданіе разстроеннаго воображенія. Во всякомъ случаѣ мнимо-убитый живъ и теперь совершаетъ кругосвѣтное путешествіе.

— Значитъ, д-ръ Штеттеръ не причинилъ ему никакого вреда?

— Вотъ именно это-то и не выяснено. Этотъ Штурцбахъ долго такъ пролежалъ въ одномъ берлинскомъ госпиталѣ; у него, вѣроятно, повреждена только мышца; онъ выздоровѣлъ, только голову держалъ не много на-бокъ. На допросъ онъ заявилъ, что самъ ранилъ себя въ припадкѣ меланхоліи и недовольства жизнью, и что его другъ д-ръ Штеттеръ не имѣетъ къ дѣлу никакого отношенія. Примѣнимо ли и къ данному случаю извѣстное: „cherchez la femme“ рѣшить трудно.

— Ну, а жена доктора Штеттера дѣйствительно умерла?

— Къ сожалѣнію, это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Это была одна изъ прелестнѣйшихъ женщинъ во всемъ Берлинѣ, красавица, о преждевременной кончинѣ которой сожалѣлъ весь свѣтъ. Утрата жены была, конечно, главною причиною нервнаго потрясенія Штеттера.

— И что же, надѣетесь его вылѣчить?

Врачъ вздохнулъ.

— Предсказывать трудно для психіатра. У этого паціента такъ правильно смѣняются угнетеніе и возбужденіе, что я боюсь, какъ бы здѣсь не было настоящей folie à double forme, которая, къ сожалѣнію, почти неизлѣчима.

— Ну, спасибо, коллега. Послѣ того, что вы мнѣ сообщили, я ужъ не хочу беспокоить несчастнаго. Онъ и безъ того, кажется, очень возбужденъ.

— Это у него ужъ нѣсколько дней; поэтому-то я, отпуская его, по его настоянію, для короткой поѣздки, приставилъ къ нему сторожа.

Мы пожали другъ другу и разстались.

Жаркій день смѣнила пріятная вечерняя прохлада. На ясномъ безоблачномъ небѣ загорѣлись первыя звѣзды. Вокзалъ опустѣлъ. Я одинъ бродилъ вездѣ и впередъ, въ ожиданіи слѣдующаго поѣзда въ Берлинъ, и думалъ о томъ, какое удивительное вліяніе можетъ оказать иногда книга. Вотъ и въ данномъ случаѣ „Крейцера Соната“ оказала сильное, роковое вліяніе; и все-таки мнѣ казалось, что сочиненіе русскаго писателя никакъ нельзя причислить къ выдающимся произведеніямъ литературы; произведеніе нѣмецкаго композитора, Бетховенская соната *Cis-moll* производитъ совсѣмъ другое, спасительное дѣйствіе, совершенно не похожее на мистическія откровенія сумасброднаго фанатика.

Когда я сидѣлъ уже опять въ вагонѣ и мчался къ столицѣ германской имперіи, которая, какъ мнѣ было извѣстно, не смотря на чувствительность своихъ вкусовыхъ нервовъ, жадно проглотила-таки порядочное количество „Крейцеровыхъ Сонатъ“, мнѣ пришли на умъ многія мѣста Св. Писанія, соотвѣтствующія тому псалтырному стиху, который процитировалъ, разставаясь со мною, д-ръ Штеттеръ.

„Добродѣтельная жена драгоцѣннѣе перловъ... Встаютъ дѣти и ублажаютъ ее“.

„Порадуй отца твоего и мать твою, которые родили тебя...“

„Кто возьметъ себѣ жену, тотъ обрѣтетъ добро и получить благословеніе отъ Господа“.

„Неужели,—думалъ я,—вошедшая въ поговорку мудрость Соломонова теперь не заключаетъ въ себѣ ни капли правды, ни зерна соли? неужели эта соль такъ испортилась, такъ

обуяла, и для приправы жизни теперь годенъ только мрачный аскетизмъ протiwоестественнаго сектанства?“

Поѣздъ подошелъ къ большому вокзалу. Охватившее меня городское движеніе отвлекло меня отъ дальнѣйшихъ размышленій. Но, еще сидя на дрожжахъ, на пути въ гостиницу, я рѣшилъ описать и обнародовать все видѣнное и слышанное во время моего путешествія.

И вотъ мой трудъ оконченъ.

Можетъ быть, моя книжка послужить кому-нибудь во благо; можетъ быть, въ преувеличенныхъ горячностью сужденіяхъ моего интереснаго знакомаго найдутся тамъ и сямъ достойныя вниманія, вѣрныя основныя мысли, и публика приметъ правдивый разсказъ нѣмецкаго врача, любящаго Бога, свою жену и своихъ дѣтей, можетъ быть, не менѣе благосклонно, чѣмъ вздорный бредъ честнаго, но крайне увлекающагося русскаго писателя.

К о н е ц ъ.